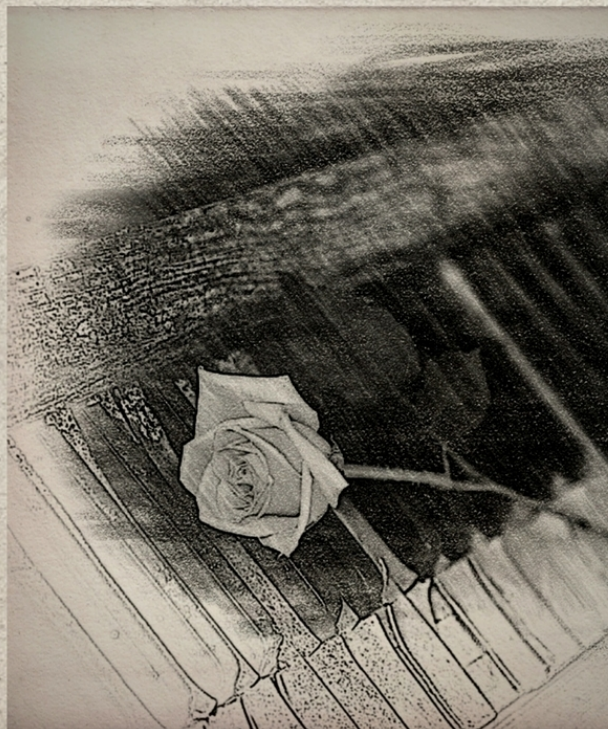
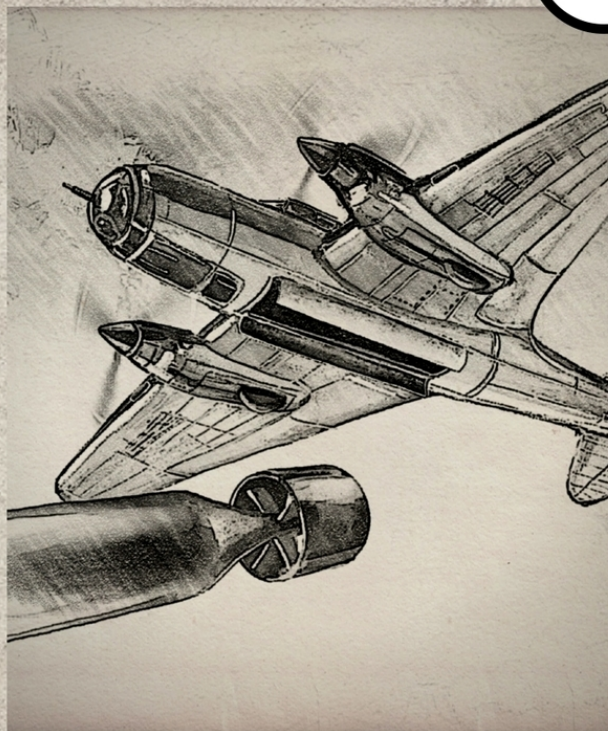

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО СУДЬБЫ

16+

НАТАЛЬЯ БАРИКОВА

Наталья Барикова
Шестое чувство судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Барикова Н.

Шестое чувство судьбы / Н. Барикова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Капризные замашки на яркое будущее и жестокое столкновение с суровым настоящим, которое вмиг подрезает на лету крылья. Думала ли девчонка с сердцем, полным надежд и амбиций, что только судьба решает, по какой тернистой тропе поведет к такому манящему, призрачному завтра. Отношения с нелюбимым мужчиной, война, театральное закулисье, немецкий плен и любовь...возможна ли она там, где балом правит неумолимая судьба? И стоит ли показывать свой норв тому, кто в любом случае не отступит от своего стремления обладать тем, что так желанно? А, может, пройдя семь кругов ада, нужно просто отпустить все и тогда неумолимая судьба подарит то, чего так отчаянно желает сердце?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Барикова

Шестое чувство судьбы

Глава 1

1941 год.

– Софья! Ах ты, вертихвостка, такая! – кричала бабка Лукерья, швыряя мне вслед мамину шаль. – Вся в мать, поди! Что одна, что другая! Ну что мне делать с вами!

Уже подбегая к калитке я услышала позади себя тихое рыдание моей бабушки. Обернувшись, я нехотя поставила чемодан возле забора и вернулась к ней.

– Бабуль, ну ты чего?! – проговорила я, погладив по седой голове женщину, которая вырастила меня.

– Ну на кого ты меня покидаешь тут, Сонька?! Ну какая может быть Москва? Какой театральный? Ты ж вон, погляди, на медсестру выучилась. Ну что тебе нейдет? Мать твоя, пройдоха, за своим хахалем укатила на другой конец страны и раз только в пару лет свой нос сюда показывает, а теперь и ты бросаешь меня! И ради чего? Чтоб на сцене задом своим крутить!?! Ты ж у меня умница, красавица, вон врач наш новый за тобой ухаживает, женится уж, поди, надумал. А ты вон какова, бесстыдница. Столицу ей подавай, – вытирая глаза старым вылинявшим передником проговорила бабушка.

– Бабуль, ну не хочу я замуж за врача твоего. Он старше меня на сколько? Лет на десять? Да и потом, ты сама знаешь, какая из меня медсестра. Вон ассистировала на операции, чуть в обморок не грохнулась, хорошо вовремя Галка напатырь подсунула. Ну не могу я! Моя душа искусства просит, я играть хочу! – мечтательно проговорила я, прижимаясь к морщинистой щеке моей горячо любимой бабушки.

– Ну и что, что старше! Тебе такой и нужен как раз! Куда тебе молодого? Чтоб вы с ним разбежались через пару месяцев? Кто ж тебя такую терпеть-то будет? А он в самый раз. Опытный, спокойный, любит тебя, – не унималась бабушка. – И ты, поди, какая, искусства ей не хватает! Там, в столице, таких как ты любительниц искусства знаешь сколько?

– Таких как я-нет! – надув губы проговорила я. – Ты знаешь, я ведь год готовилась, бабушка!

Но бабка Лукерья, услышав это, зарыдала пуше прежнего, опустив голову на руки. Нервно затопав своим каблучком по земле, ища в голове выход из ситуации я наконец сказала:

– Бабуль, давай так. Я сейчас поеду и если провалю экзамен, то обещаю, что вернусь сюда и продолжу работать медсестрой, ну и подумаю насчет твоего врача. Хорошо?

Бабушка враз перестала плакать и быстро утеревшись передником с надеждой глянула на меня.

– Ну и правильно, девка! Вот это другой разговор, – проговорила она.

– Бабуль, это только если провалю экзамены, – приподняв бровь ответила я ей.

– Ааааа, провалишь, вот посмотришь! Вернешься и замуж за врача выйдешь, вот посмотришь.

– Бабуль, ну зачем ты так? – с негодованием спросила я, понимая, что бабушкины слова были продиктованы только ее излишним желанием опекать меня. – Ты ведь знаешь, что накликать можешь.

– А я так и хочу! Авось, накликаю и ты вернешься сюда ко мне. Ну пошто меня, старую, покидаешь здесь? – опять начиная причитать сказала бабушка.

– Так, все! – встав на ноги и отряхнув юбку строго сказала я. – Я пообещала, что вернусь, если провалю экзамен, значит вернусь. А ты, бабуль, пообещай мне, что кликать на меня судьбу не будешь.

– Ох, ладно, коза. Езжай в свою столицу, – успокоившись ответила бабушка, вставая со ступеней. – Да голову там, гляди, не теряй свою. А то там мужики это тебе не наши, покуролесят и вернешься с пузом в родную деревню, – прокряхтела бабушка, накинув на меня шаль.

– Бабуль, ты опять? – нахмурилась я.

– Да ладно, тьфу на тебя, – обняв и уже более ласковым тоном проговорила моя горячо любимая бабушка, целуя в щеку. – А теперь с богом, ступай, – она перекрестила меня и подтолкнула к калитке.

– Баб, ну ты чего! Увидит еще кто! – испуганно озираясь по сторонам проговорила я.

– Ай, пушай видят. Бог он был и будет! Мы не нехристи какие-то, молились и будем молиться, – ответила бабка Лукерья и еще раз подтолкнув меня к калитке погрозила пальцем, когда я взяла чемодан и вышла со двора. – Гляди-но мне!

Послав воздушный поцелуй бабушке, я пешком направилась на вокзал, где всего через час с небольшим идущий в Москву поезд должен был отвезти меня навстречу новой жизни, такой волнительной и неизведанной. Идя по проселочной дороге, по обе стороны от которой росли яблони и вишни, я почему-то вспоминала последние несколько лет жизни, проведенные здесь, в небольшой деревеньке в Смоленской области. Отец погиб во время рыбалки зимой, провалился под лед, даже тело его не нашли. Мать сильно переживала его гибель, но благодаря своим внутренним качествам, которые помогали ей быстро восстанавливаться после каких-либо травм, уже спустя год, во время поездки в Ленинград, познакомилась с моим отчимом, офицером-разведчиком, и благополучно оставив меня, пятнадцатилетнюю девочку-подростка, на попечение своей матери, бабки Лукерьи, начала строить свою личную жизнь. В Ленинграде она устроилась работать в небольшой театр, поскольку прекрасно пела, танцевала, да и вообще была непревзойденной актрисой что по жизни, что на сцене. Собственно, от нее я и переняла эту непреодолимую тягу к сцене, но после окончания школы под давлением бабушки пошла учиться на медсестру. В училище преподаватели намучились со мной, по правде говоря. Училась-то я хорошо, теория шла у меня на отлично, но вот на практике я нет-нет, да и хлопнусь было в обморок от вида крови. Держали меня только из уважения к бабушке, которая свято верила в то, что из меня выйдет лучшая в мире медсестра. Да и, кроме того, заведующая медучилища была подругой моей бабушки. Вот так, с горем пополам я и закончила учебу. Потом пошла работать в районную больницу медсестрой и сразу, опять же с подачи бабушки, попала на должность ассистентки хирурга. Вот тут-то и началась моя ходьба по мукам. Тошнило меня непрерывно, каждая операция давалась мне невесть каким трудом. Хирург, Павел Петрович, с которым я работала, однажды вызвал меня к себе и сказал:

– Софья Алексеевна, вы прекрасный человек, добрая, отзывчивая, но вам не кажется, что сестринское дело, это, мягко говоря, не ваше? Я знаю, что ваша бабушка хлопотала перед главврачом о том, чтобы вы работали именно в хирургии. Но мне во время операции нужна твердая рука рядом, а не зеленеющая от ужаса девица, которая при виде того, как я вырезаю аппендицит, готова бежать сломя голову в уборную.

Я помню тогда не то чтобы даже не обиделась на его слова, я была счастлива слышать такое, поскольку перечить бабушке мне не хотелось, но раз уж сам хирург давал мне отбой, то для меня это было прямо-таки спасением. Но в тот момент я рано радовалась. Хирург, явно не желающий вступать в конфликт с главврачом, поскольку тот был того еще нрава, подумав, сказал:

– К нам направили из Смоленска еще одного хирурга. Ему будет нужна медсестра на перевязки и прочее. Я думаю, что вы справитесь с такой задачей лучше, чем в хирургической.

Давайте, когда он приедет, я вас порекомендую ему, а на ваше место возьму Галину, вы не против?

Да какое там против! Я внутренне ликовала и вскочив со стула подбежала тогда к врачу и расцеловав в обе щеки ответила:

– Конечно! Какое может быть против!? Я сегодня же скажу бабушке, что хочу работать с новым врачом – протрещала я и счастливо выпорхнула из кабинета.

Но счастье мое было недолгим, поскольку медсестра, которая должна была ассистировать ему, объявила о том, что беременна и подала на увольнение, дескать не выносила вида крови в таком положении и кроме как меня, никого на ближайшие пару месяцев поставить новому хирургу в ассистентки было некого. В общем, обменяла я шило на мыло и в итоге для меня началась новая жизнь, не очень завидная для медсестры с бесконечным полубморочным состоянием. Новый хирург оказался чрезвычайно требовательным и если прежний с пониманием относился к моему состоянию, то этот только все строже и строже делал мне выговоры после операций. Дошло до того, что я как-то утром, перед операцией, после очередного выговора влетела к нему в кабинет и возмущенно выпалила:

– Игорь Андреевич, простите, но ассистировать я вам не буду. И дело не в том, что вы так строги со мной, просто из меня на самом деле ужасная ассистентка! Я боюсь крови, боюсь операций. Ну куда вам с такой как я на операцию идти?! Вы швы вон какие накладываете, будто бабушкина вышивка на теле! А я что? Вы мне – зажим давай, а я в ужасе смотрю на рану. Я правда, больше так не могу! Это все бабушкина затея сделать из меня первоклассную медсестру, а я в театральный хочу пойти учиться. Этим летом поступать поеду. Поэтому, если можно, поддержите меня перед главврачом, пусть подпишет мое увольнение.

Мужчина поднял свои глаза от бумаг и посмотрел на меня. Затем поведя бровью отложил ручку в сторону и встав из-за стола подошел ко мне.

– Софья Алексеевна, я не поддерживаю вас по одной простой причине. Вы прекрасная медсестра. И хороший ассистент. Я проработал хирургом достаточно долго, чтобы понимать, у кого действительно отвращение к работе и напрочь отсутствуют способности, а кто просто грезит чем-то другим. Теперь, когда вы сказали, что хотите поступать в театральный, все стало на свои места. На самом деле вы просто отвергаете то, чем занимаетесь в данный момент, а коль вы отвергаете это головой, то и организм начинает искать выход из данной ситуации. В вашем случае это ваше состояние на операциях. Насмотрелся я на разных ассистентов, и на падающих в обморок, и на засыпающих на операции, так вот вы выделяетесь на фоне них тем, что вы можете делать то, что нужно, просто до ужаса не хотите. А знаете из чего я еще сделал такой вывод? Из того, как вы повели себя, когда в поле, где вы с подружками гуляли, трактористу Ивану Анатольевичу руку полоснуло так, что если бы не вы, то он кровью бы истек. Но вы ох как быстро среагировали, привели его к себе домой, обработали, заштопали и уже тогда отправили на телеге к нам сюда. И швы, я вам скажу, Софья Алексеевна, у вас не хуже моих оказались, – улыбаясь проговорил Игорь Андреевич.

– Но это было в экстренной ситуации! Я тогда в шоке была и понимала, что если ничего не сделаю, то мы его не доведем до больницы, – пожалала плечами я.

– Ну вот в экстренной ситуации и проверяются люди. И чем вам не экстренная ситуация, когда человек лежит на хирургическом столе? И Иван Анатольевич тогда сказал, что вы совсем не были зеленого цвета, когда мастерски штопали его.

– Может вы и правы, но это все равно не мое, вы понимаете? – посмотрев из-под лба на мужчину сказала я.

– Давайте так, Соня, – вздохнул Игорь Андреевич. – До лета еще несколько месяцев. Отработайте их в паре со мной. Это моя личная просьба. А летом поедете поступать. Навыки медсестры вам в жизни не будут лишними, вы сами это знаете, а уж тем более навыки ассистентки хирурга. Мало ли как с театральным у вас сложится. А здесь такие руки, как у вас,

всегда на вес золота. Если вы согласитесь, то я вам помогу побороть ваше состояние. Не скажу, что буду делать это всегда глядя вас по шерстке, но тем не менее, бояться вы перестанете. Идет?

Глядя на этого высокого статного молодого мужчину с русыми волосами, пронзительным взглядом серых глаз из-под изогнутых густых бровей, и чарующей улыбкой красиво очерченных губ я согласилась, хотя была уже в паре шагов от того, чтобы вприпрыжку нестись к бабушке с вестью о том, что медсестра из меня никакая и кроме как поступать в театральный я ни на что не гожусь. Но этот молодой хирург переубедил меня и уже через каких-то пару месяцев его неусыпного контроля я вполне сносно чувствовала себя во время ассистирования. И еще через пару месяцев как-то Галка, моя подруга детства, с которой мы работали в больнице, сказала мне, облизывая свое мороженое сидя на лавке в парке:

– Ой, гляди, Сонька, полетит в тартарары твое поступление скоро.

– Ты чего такое несешь? – удивилась я.

– Почему несешь? Правду говорю. Ох как скоро наш Игорь Андреевич ухаживать за тобой начнет, а там, глядишь, и замуж позовет, – хитро глядя на меня сказала подруга.

– Ты с ума сошла? – покачав головой ответила я.

– А чего это я с ума сошла? – повернувшись ко мне тихо проговорила Галка. – Я слышала, как он сегодня утром разговаривал с Павлом Петровичем и расспрашивал о тебе, нет ли у тебя кого, не встречаешься ли с кем. Почву прощупывает, видишь как.

– Да ну, глядя на него так и не скажешь, что я нравлюсь ему, – удивилась я.

– Это ты не скажешь, дуреха, – хлопнула меня по лбу Галка. – Закопалась в своих книжках. «Я вам пишу, чего же боле, что я могу еще сказать...» – прокривлялась она, цитируя строки из «Евгения Онегина». – А он с тебя глаз не сводит, уже все в больнице об этом знают.

– Ой, ну тебя, Галка, мне не до любви сейчас. Я мечту осуществить хочу, – отмахнулась я от подруги.

– Ну и дура. Такой мужик к тебе клинья подбивает! – закрыв мечтательно глаза проговорила подруга. – Красивый, высокий, умный. Он, когда по коридору идет, то все наши девки головы сворачивают, взглядом его провожают. А как он операции делает! Быстро, точно, аккуратно! Ну не мужчина, а мечта! Вот эту мечту осуществлять надо, а то гонишься не пойми за чем. В Москву она надумала! Да на кой она тебе сдалась, эта Москва? Там пройдохи одни к вершинам славы пробиваются! Поскачешь верхом на режиссере каком-то и будет тебе лавровый венок, не поскачешь-пойдешь помы у какой-нибудь...наездницы, – строго отчитала меня подруга, которая всегда пыталась спустить меня с неба на землю в моем стремлении.

– Не говори глупости, – надув губы ответила я.

– И не глупости это, не глупости! Вот посмотришь! Актриса она! А там таких актрис пруд пруди! А в жизни синицу в руках надо держать, а не за журавлем в небе нестись!

– А мне не нужна синица! – психанула я. – Вот нужна тебе синица и иди давай, окручивай хирурга своего, а я замуж не собираюсь, – развернувшись я оставила Галку одну в парке, а сама вернулась в больницу.

С того самого дня и я поняла, что действительно нравлюсь этому мужчине. Спустя какое-то время он сделал мне предложение ухаживать за мной, но я тактично попросила его подождать и не спешить с завязыванием отношений. Игорь скорее всего расстроился, это я поняла по его прищуренным серым глазам и сдержанному ответу, когда он сказал, что будет надеяться на то, что я передумаю. Но я не передумала и спустя какое-то время подала документы на поступление и вот, шла по дороге на вокзал, с надеждой смотря в завтрашний день. Усевшись на перроне на скамейку в ожидании поезда, я с наслаждением подставила лицо под ласковые лучи солнца и закрыла глаза. Я не знала, что ждало меня в столице, но непередаваемое ощущение независимости и того, что я наконец-то смогла пойти по тому пути, по которому сама хотела, не слушая ничьих наставлений и указаний, придавало моему поступку такую желан-

ную эйфорию. Спустя несколько минут кто-то загородил солнце, и я испуганно открыла глаза. Передо мной стоял Игорь Андреевич с букетом моих любимых белых роз.

– Бабушка сказала? – усмехнулась я.

– Да, вчера еще, – проговорил он, протягивая мне цветы.

– Вредная она у меня, – зарывшись носом в душистые бутоны ответила я. – Спасибо за цветы.

– Соня..., – начал было говорить мужчина, строго нахмутив брови, поскольку явно было, что он совершенно не был любителем обивания порогов в том доме, в котором ему не спешили открывать входную дверь.

– Игорь Андреевич, – перебила я его, встав со скамьи и положив цветы на лавку. – Вы мне очень нравитесь, правда. Но есть в жизни еще что-то, что важно для меня помимо отношений. Вы состоялись в жизни как прекрасный хирург. Я же тоже хочу найти себя. И помните, я не сказала вам нет. Я просто хочу попытаться счастья, понимаете меня? – обвив шею мужчины руками проговорила я и легонько коснулась губами его губ.

Мужчина ответил на поцелуй и погладил меня по щеке, тепло смотря в глаза. Затем поцеловал мою руку и не выпуская ее из своей крепкой ладони ответил:

– Ты не сказала нет, но и не сказала да.

– А вот когда я разберусь в себе, то и ответ будет, – усмехнулась я. – Если вы, конечно, немножко подождете и не начнете вить гнездо с какой-нибудь другой птицей.

Игорь рассмеялся и приподняв меня за талию сказал:

– Если есть хоть малейший шанс, что это гнездо я смогу свить с тобой, то я буду ждать.

– Ну вот и хорошо. Обещаю, я вернусь, если не поступлю. А вдруг поступлю, то думаю, что такому прекрасному хирургу, как вы, будет место в нашей прекрасной столице, – наклонив голову набок и хитро прищутив глаза ответила я.

В этот момент раздался гудок подъезжающего поезда и я, быстро чмокнув в щеку мужчину, схватила цветы. Игорь же взял мой чемодан, и когда нужный мне вагон остановился рядом, провел меня внутрь. Поцеловав на прощание, он отпустил меня в новую жизнь. Смотря в окно на удаляющуюся фигурку мужчины, я почему-то испытала в тот момент грусть. Никогда бы не подумала, что буду грустить, расставаясь с ним. Как таковых отношений у нас с ним не было, и то, что я чувствовала, ну никак не вязалось у меня с тем, о чем я думала.

– Жених? – спросила сидевшая напротив соседка по купе, красивая женщина средних лет с большими карими глазами, волосами цвета воронова крыла, мастерски уложенными вокруг ее хорошенькой головки, симпатичным вздернутым носиком и кокетливой мушкой на щеке.

– И да, и нет, – пожал плечами ответила я.

– Так не бывает, – усмехнулась женщина. – Елизавета Дмитриевна Волоконовская, – добавила она, протягивая мне руку.

– Софья Алексеевна Лесная, – ответила я, пожалв хрупкую руку в кружевных перчатках.

– Лесная, какая фамилия красивая. Вы не против, если я здесь закурю? – доставая сигарету в длинном причудливом мундштуке спросила она.

– Нет, конечно, курите, – улыбнулась я, приоткрыв сильнее окно.

– Вы в Москву? – прищурила глаза моя новая знакомая.

– Да, в театральный поступать еду, – не без гордости сообщила я, поскольку мне мой поступок казался просто чем-то из ряда вон выходящим.

– В театральный? Похвально, – улыбнулась женщина.

– На самом деле я уже училась. На медсестру. Только не мое все это – бинты, зеленка, шприцы, – скривившись сказала я.

Женщина окинула меня взглядом и задумчиво выпустив в окно клубок дыма сказала:

– Знаете, Соня, чтобы принять и полюбить свою профессию необходимо как минимум пять лет. Я тоже в свое время не хотела заниматься тем, чем занимаюсь. Только вот сейчас,

по простетвию стольких лет, понимаю своего отца, который твердой рукой руководил моим будущим, не давая сделать опрометчивый шаг. Понимаю и говорю ему спасибо, поскольку безумно люблю свою работу.

– А вы кем работаете? – с интересом спросила я эту такую элегантную женщину.

– Да так, – отмахнулась женщина. – Моя деятельность связан с обороной.

– То есть вы военная? – восхищенно воскликнула я.

– А что, не похожа? – засмеялась Елизавета.

– Ну, вы такая...нарядная, элегантная, утонченная. Я бы сказала, что вы актриса какая-нибудь, а не солдат в военной форме.

– И военные могут быть такими – нарядными, утонченными, элегантными, – улынулась красавица.

– Не знаю, – пожала я плечами. – У нашей соседки, у бабушки в деревне, тоже дочка военная. Так она как гаркнет на своих мужиков, что даже мы с бабушкой переглядываемся испуганно, слыша это. Там же надо уметь вести себя так...там же мужиков сколько! А вы такая, – сказала я, изобразив на своем лице томное выражение лица и жестами показав, что Елизавета очень и очень хрупкое создание.

– А вы и правда актриса, – засмеялась Елизавета. – Я действительно такая.

– Ну вот, я же говорю.

– Но, чтобы управлять мужчинами, не обязательно на них гаркать, как ваша соседка.

Порой другая тактика дает более желаемые результаты. Особенно среди военных.

– Это ж какая такая тактика? – заинтересовалась я.

– А та, которую вы применили, когда своего жениха, или кем он там вам приходится, успокаивали. По нему было видно, что он очень расстроенный, а вы его так раз – хитростью и лаской обвели вокруг своего пальчика и все, мужчина уже думает, как вам необходимо. Я видела в окно, – проговорила женщина.

– Да ладно, это не тактика была. Мне просто захотелось так себя с ним повести. Он очень хороший человек и его просто угораздило влюбиться в меня. Вот и попросилась с ним так, чтобы и надежда у него не пропала, и самой можно было со спокойной душой уехать.

– Иными словами, вы, Соня, оставили его на запасном аэродроме на случай провала поступления. Я же говорю вам, что это тактика, – захохотала женщина своим красивым звонким смехом. – Умно. Такая молодая, а уже такая хитрая!

– И никакой он не запасной аэродром, – нахмурила я брови.

– Да не обижайтесь вы так. Вы правильно поступили. Просто вы еще молодая и сами не замечаете, что у вас в крови это умение подстилать соломку на всякий случай. Обрывать хорошие, или перспективные, отношения довольно-таки глупо. Чем черт не шутит, а вдруг этот мужчина – лучшее, что будет в вашей жизни?!

– Может, не может, я не об этом сейчас думаю, – ответила я и мечтательно уставилась в окно.

– Да, извините. А давайте, Соня, вы в гости ко мне зайдете в Москве, когда время свободное будет?! – сказала Елизавета и набросав на листке бумаги адрес и телефон протянула мне.

– В гости? – удивилась я. – Ну, если вы приглашаете, то почему не зайти. Только после того, как поступлю...ну или провалюсь, – усмехнулась я.

– Мне почему-то кажется, что вы поступите, – сказала Елизавета. – Скажите еще, пожалуйста, свое полное имя.

Я продиктовала ей, и женщина быстро черкнув в блокноте мои данные спрятала его в сумочку.

– А теперь, если вы не против, я отдохну немного. Такой путь длинный был, устала чертовски, – сказала женщина снимая с себя свой пиджак и, уютно облокотившись на подушку, закрыла глаза.

Всю оставшуюся дорогу мы практически не разговаривали. Елизавета то спала, то читала какую-то книгу, периодически отрывая от нее взгляд и рассматривая меня. Я же зубрила свой монолог. В столицу мы прибыли уже ближе к вечеру, когда заходящее солнце окрасило небо в пестрые краски закончившегося дня. Когда поезд остановился, я с бьющимся от волнения сердцем вышла на платформу. Город встретил меня муравьиной суетой людей, снующих туда-сюда в своем вечном непрерывном потоке жизни. Было так необычно после тихой жизни в русском селе с его неизменно размеренной жизнью очутиться в этом кипящем эмоциями месте. Растерянно поставив чемодан на землю, я достала из сумочки адрес маминой знакомой, у которой я должна была остановиться, и огляделась, думая, в каком направлении мне нужно идти.

– Вас не встречают? – услышала за спиной я голос Елизаветы.

– Нет, мамина знакомая работает в ночную смену, она не смогла меня встретить. Но я доберусь сама, – улыбнулась я и бодро схватила свой чемодан.

– Да бросьте вы, это вам не деревня, – сказала Елизавета и завидев вдалеке мужчину помахала ему рукой. – Мы вас сейчас отвезем. Это шофер моего отца, Евгений, – представила она мне подошедшего к нам невысокого роста мужчину лет сорока в отменно наглаженном костюме и до блеска начищенных остроносых туфель. – Отвезем Софью домой, а потом уже к отцу, хорошо?

– Как скажете, – ответил мужчина и схватив наши чемоданы потащил их к машине.

Оказавшись на заднем сидении красивого черного автомобиля я с восхищением рассматривала мелькающие за окном городские пейзажи.

– Вы никогда не были здесь? – улыбнулась Елизавета, заметив мое восхищение.

– Была, два года назад, когда к матери в Ленинград ехала. Но тогда так только, мельком, проездом. Ничего не смогла посмотреть толком.

– Ну у вас еще все впереди. Успеете посмотреть все, – потрепав меня по плечу сказала женщина.

– Я очень на это надеюсь!

– Можно не скромный вопрос? – спросила Елизавета.

– Да, конечно, – удивилась я такой фразе.

– Вы в чем пойдете на экзамен? У вас есть красивое платье?

– Платье? Есть, но не то чтобы прям красивое, обычное, – пожалала плечами я.

– А можно я вам подарок сделаю? Куплю вам платье такое, в котором вы затмите на экзамене всех девчонок?

– Да вы что?! Нет, спасибо! Это очень неудобно принимать такие подарки! – воскликнула я.

– Соня, – проговорила женщина, ласково положив свою ладонь на мою руку. – Вы просто мне дочку мою напоминаете. Она была бы сейчас того же возраста, что и вы.

– Дочку? А почему была бы? – нахмурившись спросила я.

– Она умерла несколько лет назад. Ее машина сбила, – грустно ответила Елизавета. – И мне бы хотелось таким образом отдать дань ее памяти. Можно?

– Ну, если так, то хорошо, – неуверенно ответила я.

– Чудесно! – воскликнула обрадованная женщина. – Евгений, давай туда, куда обычно возишь меня за покупками!

Через пол часа мы уже стояли в большом магазине одежды, ярко освещенном хрустальными люстрами, бросающими причудливые блики на красные ковровые дорожки, устилавшие паркет.

– Елизавета Дмитриевна! Как я рада! – еле слышимым голосом пропела подошедшая к нам продавщица с высокой прической и в форменной одежде зеленого цвета. – Что сегодня хотите, голубушка?

– Ирма Юрьевна, мне вот девочку нужно одеть. Несколько платьев, пару пиджаков и туфель. Ну и аксессуары, как обычно, на твой вкус полагаюсь. И чтоб все только самое лучшее, – подмигнув продавщице сказала Елизавета.

– Но вы же сказали только платье!?! – испуганно прошептала я.

– Пусть будет не только платье, – ответила женщина, поправив мои растрепанные волосы. – Мне некому делать такие подарки, а так иногда хочется. Не отказывайтесь.

– Но это же все так дорого! – воскликнула я, посмотрев на ценник на одном из платьев, висевших на манекене.

– Я могу себе это позволить, не переживайте, Соня, – ответила женщина, и когда продавщица вернулась с ворохом обновок прошла со мной в уютно оборудованную большую примерочную.

– Меряйте эти, – окинув меня взглядом и выбрав из кучи подобранных для меня платьев пять самых ярких сказала Елизавета, отдавая мне одежду и усаживаясь на стоящий в стороне диванчик.

Я же прошла за ширму и надев первое платье ярко-изумрудного цвета изумленно посмотрела на себя. Я уже не была той простенькой, худенькой девочкой с длинной косой пшеничного цвета, со вздернутым носиком и зелеными глазами. С зеркала на меня взирала прекрасная барышня, тонкий стан которой обрамляло чудо в тон ее глазам, а шикарное декольте придавало груди необычайную привлекательность. Восторженно покрутившись вокруг себя, я выглянула из-за ширмы.

– Вы посмотрите? – спросила я Елизавету, рассматривающую какой-то журнал мод.

– Выходи, конечно! – воскликнула она, и когда я встала перед ней, всплеснула руками. – Смотрю и не знаю, то ли ты красишь платье, то ли оно тебя, то ли вы друг для друга просто созданы! – проговорила она, обойдя вокруг меня.

– Да ну, скажете еще мне, такой шедевр кого хочешь красавицей сделает, – восхищенно проговорила я, проведя рукой по гладкой ткани платья.

– Ох, Соня! Ты просто не понимаешь, какая же ты красивая! Можно я распушу? – спросила женщина, развязывая ленту, которая держала в плену покрывало моих волос.

Когда волосы укрыли мою спину до самого пояса, Елизавета тихо вздохнула.

– Ты прямо как она. У нее тоже были такие же красивые волосы, – печально проведя рукой по ним проговорила женщина.

– Я не знаю, что вам сказать, кроме того, что мне жаль, что вы потеряли свою дочь, – ответила я, повернувшись к Елизавете и смахивая с ее щеки одиноко скатившуюся слезу.

– Спасибо, – улыбнулась она.

После часа примерок Елизавета купила для меня все, что было выбрано продавщицей. Забрав покупки, мы поблагодарили ее и спустя несколько минут уже ехали в автомобиле в дом, где я должна была остановиться. Заботливый шофер помог мне отнести бесчисленные пакеты и мой чемодан на нужный этаж. Взяв у соседки ключ, я открыла дверь в квартиру и быстро закинув туда все свои пожитки спустилась вниз, чтобы попрощаться с Елизаветой.

– А когда у вас экзамены? – спросила она.

– Завтра в десять утра.

– Хорошо, – обняла она меня. – Вы не переживайте, Соня, вы обязательно поступите!

– Ох, мне бы вашу уверенность, – покачала я головой. – И спасибо вам большое за подарки. Бабушка, правда, сказала бы, что я бессовестная, невоспитанная, наглая девка, раз принимаю такие подарки от почти незнакомого человека.

– Мне приятно, что вы не отказались. Это для меня очень важно было. Я словно окунулась в то время, когда с дочкой ходила так же в магазины. И это вам спасибо, Соня, – потрепав меня по плечу проговорила Елизавета и развернувшись села в автомобиль.

– А как дочку вашу звали? – окликнула я ее, когда она уже захлопнула дверь.

– Нина, ее звали Нина, – грустно ответила Елизавета. – Правда, это просто необыкновенная встреча? Вы ведь так на нее похожи, Соня.

Я только кивнула и так же грустно помахав рукой вслед уезжающей машине вернулась в квартиру. Закрыв дверь на ключ, я осмотрелась и нашла на кухонном столе записку, в которой было написано, что я могу поселиться в спальне и могу чувствовать себя как дома. Что я собственно и сделала. Разложив свои вещи в небольшой шифоньер, заботливо опустошенный хозяйкой квартиры, я направилась в ванную и быстро освежившись накинула халат и прошла на маленькую, уютную кухню. Сделав себе чай и пару бутербродов, я вышла на балкон, где, облокотившись на перила, окинула взглядом ночную красавицу-столицу. Наблюдая за то гаснущими, то загорающимися окнами, рисующими своими огоньками ночное полотно Москвы, мне не верилось, что я наконец то была там, куда так отчаянно рвалась последний год. Стоило только сделать еще один шаг, поступить в институт, и половину своих замыслов я бы осуществила. Нахмурившись я быстро дожевала бутерброд и закрыв дверь на балкон пошла в свою комнату учить монолог. Просидев над произведением практически до утра, я не заметила, как заснула и проснулась уже тогда, когда звонкий треск будильника разогнал тишину квартиры. Быстро вскочив с постели, я наспех приняла душ и перехватив легкий завтрак надела то изумрудное платье, которым вчера так восхищалась. Распустив волосы, я накрутила их на плойку, и они из беспорядочного полотна превратились в красивую волну. Надев на шею нитку перламутровых бус, а на ноги симпатичные черные туфельки с открытым носком и кокетливыми бантиками, я прихватила свою сумку с документами и послав своему счастливому отражению воздушный поцелуй, покинула квартиру.

От дома, в котором я остановилась, институт находился совсем недалеко, и я решила пройтись пешком, поскольку времени было предостаточно. Идя оживленными улицами, я с интересом рассматривала людей. Они казались мне не такими как везде. Озабоченные проблемами, веселые, сосредоточенные и беспечные, смеющиеся и грустные столичные жители своей непревзойденной энергетикой наполняли этот прекрасный город жизнью. Смотря на них мне почему-то стало спокойно, несмотря на ту кутерьму, царившую вокруг. Еще мама говорила, что я не деревенская жительница по духу. Вся та тишина, царившая пусть и в таком прекрасном месте, как деревня, навевала на меня тоску. А здесь, в городе, наполненном движением, я будто бы питалась этой энергией, исходящей от городской суеты. Мне жизненно необходимо было это движение, поэтому я так и рвалась в это место, упуская, как бы сказала моя подруга Галка, синицу из рук.

В здании института была еще та толкучка, и пряный запах конфетных духов молоденьких соискательниц театрального будущего своим благоуханием говорил о том, как ответственно готовились все барышни к выступлению перед выдавшей виды великих талантов и не очень приемной комиссией. Найдя нужную аудиторию и взяв номерок, я направилась к залу, где проводилось прослушивание.

Подойдя к заветной двери, я продиктовала свои данные стоящей на страже молодой девушке с стопкой напечатанных листов в руках.

– Лесная? – переспросила у меня девушка, услышав мою фамилию.

– Да, – ответила я.

– Вы следующая, – заулыбалась девушка.

– Как это она следующая? Сейчас моя очередь! – подлетела к нам услышав эту фразу высокая, красивая, стройная брюнетка с голубыми глазами и симпатичной родинкой над губой.

– Я сказала она, значит она, – строго отчеканила моя защитница, чем вызвала мое недоумение.

– Стерва, – надменно прошипела брюнетка. – Что, протеже чье-то? – окинув меня презрительным взглядом брюнетка отошла к окну.

Я недоуменно смотрела то на нее, то на девушку со списком в руках, пока она меня не одернула и не сказала:

– Лесная, проходите!

Я неуверенно повернулась к двери и уже через мгновение стояла на деревянном полу сцены, освещенной приглушенным светом, перед шестью членами комиссии, которые с интересом взирали на меня.

– Представьтесь, пожалуйста, – проговорила скрипучим голосом пожилая худощавая женщина с высоко зачесанными волосами серебристого цвета, поглядывая на меня поверх очков с толстыми линзами.

«Для чего они ей, если все равно смотрит поверх них?» – промелькнуло у меня в голове, а вслух я сказала:

– Софья Алексеевна Лесная.

– Что будете читать, Софья Алексеевна? – спросил такой же немолодой мужчина, мельком окинув меня взглядом и снова опустив глаза в какой-то журнал, лежавший перед ним на столе.

– Отрывок из романа «Евгений Онегин», – улыбнулась я.

– Опять Онегин, у нас что, больше читать нечего? – недовольно пробурчала седоволосая женщина в очках.

– Элеонора Игоревна, да полно вам, пускай девушка читает, – оборвал ее скрипучее сетование мужчина лет сорока. – Читайте, Соня, пожалуйста, – улыбнулся он, придав мне своим заступничеством перед, как мне показалось, старой гримзой, уверенности.

Закрыв глаза, я начала читать отрывок из произведения, который, разбуди меня даже среди ночи, я могла безошибочно декламировать, начиная с любой его части. Строчки летели, словно птицы, шелестом своих звуков окутывая тишину в зале. Посмотрев на присутствующих, я обратила внимание на то, с каким интересом они на меня взирали. Даже тот немолодой мужчина оторвал свой взгляд от журнала, который, скорее всего, до этого занимал его больше, чем то, что происходило на сцене. Когда я закончила, в зале все так же царила тишина и я испуганно смотрела на пары глаз, устремленные на меня.

– Что? Так плохо? – неуверенно спросила я.

– Вы откуда, сокровище? – проскрипела дама в очках.

– Я из Смоленска. Точнее из деревни под Смоленском, – ответила я, внутренне съежившись под пытливым взглядом выцветших, некогда наверняка красивых глаз пожилой дамы.

– А Дмитрию Тарасовичу вы кем будете? – снова задал вопрос она.

– Дмитрию Тарасовичу? – удивленно переспросила я. – Я не знаю кто это.

– Эля, – одернул женщину пожилой мужчина с журналом. – Тебя же просили.

– А что просили? Он тут не главный, и кого набирать я сама буду решать, – строго отмахнулась от него женщина.

Я удивленно переводила взгляд от одного члена комиссии к другому, пока наконец молодой экзаменатор не сказал:

– Вы приняты.

– Так, не спеши, – вставая со своего места проговорила Элеонора Игоревна и поднявшись ко мне на сцену обошла вокруг и сказала, – зубы покажи.

Я испуганно раскрыла глаза.

– Ну чего глазищи округляешь? Зубы говорю покажи, – проскрипела она.

– Я вам не лошадь, – нахмурилась я.

– Лошадь, не лошадь, привыкай. Ты куда пришла поступать? Скажу зубы показывать, значит будешь показывать. Скажу кукарекать будешь, значит запоешь своим голоском как миленькая. Это театральный, милочка. Все надо уметь делать.

Я посмотрела гневно в выцветшие старческие глаза и вздернув голову улыбнулась во все тридцать два и издала три пронзительных петушиных крика.

– Так вас устроит? – прошипела я в ответ на такое отношение ко мне.

В блеклых глазах после моей выходки сразу же загорелся огонек интереса и взгляд этой женщины, выдавшей бесконечную вереницу талантов на деревянной сцене, стал совсем другим. На меня смотрели искрящиеся от смеха и интереса прекрасные глаза, обладательница которых шелкнула пальцами и промолвила:

– Вот это другое дело! Вот теперь я вижу, ради чего я тебя возьму к себе. А не по просьбе Дмитрия Тарасовича. Огонь, а не девка! – довольно развернувшись от меня она спустилась со сцены и села на свое место.

– Я правда не знаю никакого Дмитрия Тарасовича, – пожав плечами извиняющимся тоном проговорила я.

– Достаточно того, что он тебя знает, – ответил молодой мужчина. – Ну да ладно, не об этом сейчас речь. Через два дня придете и получите приказ о зачислении, отправите на работу. И все интересующие вопросы сможете узнать в деканате. По поводу общежития и прочего. Поздравляю вас, Софья Алексеевна, с поступлением. Можете идти.

– И это все? – удивилась я. – А как же танец? Песня? Я все готовила, все умею.

– Натанцуетесь еще в своей жизни, – проговорил мужчина с журналом. – Идите уже.

Пребывая в какой-то прострации, я вышла из аудитории и посмотрела на стоящих возле двери девчонок.

– Ну что? – ухватила меня за руку невысокого роста девушка с пышными формами, смешными ямочками на щеках и озорными глазами оливкового цвета.

– Меня взяли, – все еще не веря в то, что произошло проговорила я.

– И что спрашивали? Что читала? Что пела? Что танцевала? – зашебетали вокруг меня девушки, которым еще предстояло переступить порог заветной комнаты.

– Просто Онегина прочитала и зубы показала, – пожав плечами ответила я.

– Значит еще кому-то что-то показывала. – презрительно прошипела в ответ брюнетка. – Тут все и поют, и пляшут, и читают, а она только Онегина. Говорю же, что чья-то.

Девчонки сразу замолчали и отошли от меня, будто бы я была какой-то прокаженной.

– Я не чья-то, – огрызнулась я. – Такая же, как и вы все. И мой преподаватель, который готовил меня к поступлению, всегда говорил мне, что талант видно после первой продекламированной ним строчки. Так что если кому-то приходится и петь, и танцевать, и читать, а в нем так ничего и не разглядели, то никакого таланта значит и в помине нет!

– Ну да. Как же! – окинув меня сверху донизу снисходительным взглядом проговорила брюнетка и услышав фразу: «Алексеева», отвернувшись от меня и поступью королевы пошла в зал.

– Не обращай на нее внимание, она всегда такая. Мы с ней в одном классе учились, теперь на заводе работаем. Второй год вот поступать пытаемся. Она хорошая на самом деле, просто всегда так в штыки сначала новеньких воспринимает. А потом ничего, отгадет, – прошептала хохотушка с ямочками на щеках. – Меня Светой зовут, а ее, – она махнула в сторону двери, за которой скрылась брюнетка, – Лена.

– Очень приятно, а я Соня, – улыбнулась я, пожав протянутую руку девушки.

– Может ты подождешь нас? Потом пойдем и мороженое поедим в парке вместе? Отметим твоё поступление, – проговорила Света.

– Почему же только мое? Вдруг и вы поступите?

– Ай, – махнула обреченно рукой девушка. – Я только из-за Ленки сюда пришла. Ну куда меня такую кто возьмет в театральный. Это вы вон с ней длинноногие, тонкокостные. А я что? Разве что на роли кухарок сгожусь, если и поступлю. Кто же меня примет такую? Мой театр – это завод, до конца моих дней, – грустно улыбнулась девушка.

– Да ладно тебе, ты такая интересная, и не всегда длинные ноги признак таланта, – проговорила я, окинув взглядом девушку, которая, по моему мнению, была очень красивой и отчего она себя так недооценивала, я не могла понять.

Минут через пятнадцать из аудитории вышла, нет, вылетела, Лена.

– Меня вязли, – протрещала она, подлетая к Светлане.

– Ну, вот видишь, я же тебе говорила, – ответила Света и услышав свою фамилию отвернулась к окну, чтобы никто не увидел, мельком перекрестилась и пошла на прослушивание.

– Ну что, будем знакомы, – протягивая руку уже совершенно другим тоном проговорила Лена.

– Ну так что, и ты значит чья-то? – прищурился глаза спросила я.

– Извини, – мягко улыбнувшись проговорила девушка и я удивленно посмотрела на нее, настолько ее образ стал другим, более женственным, легким и ранимым. Передо мной уже была не та дерзкая красавица-стерва, готовая смести все на своем пути.

– Ладно, забыли, – протянула я ей руку и представилась.

– Хоть бы поступила, – прошептала девушка, прислушиваясь к тому, что происходило за дверью.

– А вы с Светой давно дружите? – спросила я.

– Да, с первого класса. Мы с ней даже уже не подруги, мы–сестры. Она единственный мой дорогой человек, у меня больше никого не осталось. Родители умерли, когда мне было десять лет, а в этом году и бабушки не стало. Теперь Света–все, что у меня есть. И если она не поступит, я дала себе слово, что тоже заберу документы. Потому, что я – всего лишь тень таланта по сравнению с ней. Если бы ты слышала, как она поет! А как перевоплощаться умеет! Мы в драмкружке при заводе играем всегда. Она там первая актриса. И если она не поступит, то здесь вообще никто не имеет права учиться тогда. Уж если она для них не талант, то тогда вообще никто.

Девушка говорила с такой гордостью о своей подруге, что, глядя на нее, я начала проникаться симпатией и к ней, и к Свете, поскольку, когда есть такая дружба чистая между двумя людьми, это много говорит об их внутренних, человеческих качествах. У меня такой подруги не было. Единственная моя близкая подруга, Галка, которая то и дело вечно тянула на себя одеяло во всех наших с ней жизненных ситуациях, была так, подругой исключительно в те моменты, когда у меня все было хорошо. Когда же в моей жизни что-то шло не так и хотелось поплакаться в чье-то плечо, она сразу растворялась в окружающей обстановке, если это можно так назвать, и появлялась на горизонте только тогда, когда моя жизнь налаживалась. Я даже сейчас была уверена в том, что она там, за белыми стенами больницы пыталась окрутить Игоря, пока меня не было рядом. При мысли об этом я нахмурилась, поскольку, правда, оказавшись на расстоянии с этим мужчиной, поняла, что у меня все-таки были какие-то чувства к нему, как бы я не пыталась их отогнать лавровым венком театральной студентки.

Прошло довольно-таки много времени, и мы с Леной недоуменно уже начали переглядываться, не понимая, почему так долго Света находится на прослушивании, как двери открылись, и девушка вышла из аудитории. Вид у нее был мягко говоря несчастный. С красными глазами и шмыгающим носом она прошла мимо нас и села на стоящий у стены стул. Посмотрев на нас, она заревела, опустив лицо в ладони, затем вскинула голову и вытерев нос подолом своего длинного цветастого платья проговорила, всхлипывая:

– Он сказал, что я толстая и мне нужно скинуть пять килограммов. А еще я не умею одеваться. И волосы у меня слишком длинные, нужно укоротить сантиметров на десять. И хожу я неправильно, – прорыдала она свою речь, чем вызвала у Лены гневный вздох.

– Вот сволочи, ну как так?! Как они не разглядели! Да что же это такое! Ты смотри какие, худых кур им подавай! Надоело уже это, пойду выскажу им все, – гневно проговорила Лена и было уже направилась к аудитории, как Света ее остановила.

– Да поступила я! Взяли меня! – не переставая реветь проговорила Света.

– А чего же ты реवेशь тогда?! – воскликнула Лена, удивленно вскинув брови.

– Да Алексей Городецкий же такого наговорил. Толстая я, – заливаясь слезами ответила Света.

– Кто такой Алексей Городецкий? – спросила тихо я у Лены, пока мы с ней терпеливо ждали, когда же Светлана успокоится.

– Да это тот, самый молодой среди экзаменаторов, – ответила Лена. – Режиссер и актер. Светка ни одного спектакля его не пропускает. Она без ума от него.

– Я без ума. А он мне – ты толстая, – уже почти успокоившаяся девушка снова начала заходиться рыданиями и Лена, которой явно уже надоела ее истерика, одним рывком поставила ее на ноги и прикрикнула.

– Так, толстая ты моя, эка ли невидаль, скинуть ей сказали пять килограммов. Сказали скинуть – скинешь! Печенья меньше будешь есть по вечерам с чаем и пять килограммов до начала учебного года слетят с тебя на раз и два. Так что прекрати реветь! Правильно сказал тебе твой Городецкий! И волосы подстрижем, коса гляди уже до колен скоро будет, не школьница ты уже, надо преображаться! – командным тоном проговорила Лена и Света враз вытерла слезы и затихла.

– Она всегда так. Быстро меня в себя приводит, – улыбнулась девушка. – Что бы я без нее делала. Так порой жестко, в пору и обидеться бы, да не могу, потому, что правду всегда рубит в глаза, – добавила она, чмокнув Лену в щеку.

– А теперь айда в парк, сокурсницы, – пропела Лена и подхватив нас с Светой под руки вывела из института.

Выйдя на улицу у ворот института, я увидела, что к нам навстречу из блестящего автомобиля вышла Елизавета Дмитриевна, а спустя мгновение и высокий статный седовласый мужчина в военной форме.

– Елизавета Дмитриевна? – удивленно спросила я, мельком окинув взглядом мужчину.

– Здравствуй, Соня, – улыбнулась женщина. – А это мой отец, полковник Дмитрий Тарасович, – представила она мужчину, который улыбнулся ласковой улыбкой и пожал мне руку.

– Рад знакомству, Софья, – проговорил мужчина.

– А вы как здесь оказались? – спросила недоуменно я.

– Ты же мне говорила, что у тебя экзамен сегодня. Вот решила поздравить тебя с отцом. Мы очень переживали за тебя, – мягко ответила Елизавета, приобняв меня за плечи.

– Подождите, Дмитрий Тарасович. Это имя на экзамене еще произносили. Что все это значит? – нахмурившись спросила я.

– Сонь, мы отойдем к скамейке и подождем тебя там, хорошо? – проговорили мои новообетенные подружки, указывая на скамью недалеко от того места, где стояли мы, и когда я утвердительно кивнула, оставили нас одних.

– Вот языкатые, я же просил, – пробурчал под нос себе мужчина и уже громче сказал мне, – я звонил, просил посмотреть тебя вне очереди. Уделить тебе внимание, так сказать. Институт ведь не из простых, эти творческие личности с коронами на головах могут и проглядеть талант. Поэтому, я по просьбе дочери и просил обратить на тебя внимание.

Я ошеломленно смотрела то на Елизавету, то на ее отца и строго проговорила:

– Значит я поступила с вашей подачки? Зачем вы это сделали? А может я бездарь и меня приняли только потому, что вы просили?!

– Нет, Софья, раз в составе комиссии была Элеонора, она бы никогда тебя не пропустила, если бы ты была бездарью, проси я ее хоть на коленях. Мало того, она еще пристальней тебя рассматривала только потому, что я замолвил за тебя слово. Ты ведь знаешь о ком я, более чем уверен, – усмехнулся мужчина.

– Да, знаю. Она зубы заставила меня показывать и кукарекать, – хмыкнула я.

– Вот Элька, ну не меняется! – рассмеялся мужчина.

– Ты только не сердись на нас за это, Соня, прошу тебя, – мягко проговорила Елизавета. – Здесь порой очень тяжело приходится тем, кто приезжает вот так, как ты. Мне очень захотелось тебе помочь.

– ...потому, что я похожа на вашу погибшую дочь, – закончила я фразу женщины.

– Ты, дочка, и правда, как она, Нина наша. Очень похожа на нее, – проглотив комочек в горле проговорил Дмитрий Тарасович. – Лиза как вчера сказала, я думал так, болтовня ее вечная. Она всегда ищет в ком-то черты Нины. А сейчас вижу тебя и правда ведь похожа, как сестра ей, честное слово.

– Но я ведь не она, вы ведь понимаете это? – тихо произнесла я, не зная, как вести себя в такой ситуации.

– Мы понимаем, понимаем, – быстро проговорила Елизавета, словно боясь спугнуть меня своим таким пристальным вниманием. – Просто, если ты не возражаешь, мне бы хотелось, чтобы мы подружались с тобой. У нас с отцом нет никого, а так порой одиноко. Даже среди бесчисленных друзей одиноко. Нет близкого человека, о ком бы хотелось заботиться. Если ты не против и у тебя будет желание, приходи к нам, когда захочешь. Мы всегда будем рады тебе. Прошу тебя!

Женщина смотрела на меня с такой надеждой, в ее глазах было столько печали и отчаяния, что я невольно прониклась ее состоянием, поскольку сама до сих пор помнила то тягостное чувство, которое окутывает тебя изнутри после потери близкого человека.

– Хорошо, – улыбнулась я.

– Вот и здорово! – радостно воскликнул Дмитрий Тарасович. – А теперь, если хочешь, я могу организовать для тебя и твоих подружек обед в ресторане. Я так понимаю, и они поступили тоже учиться? Отметите вместе. Нам с Елизаветой на работу нужно ехать, мы вас завезем куда нужно, там уже все заказано будет, посидите, отдохнете с ними, – осторожно сказал мужчина.

– Да мне неудобно как-то, – кинув взгляд в сторону Лены и Светы сказала я. – Мы лучше по мороженому съедим в парке и все, да погуляем просто.

– Ну смотрите сами, – грустно ответил мужчина. – Ну тогда можно вас завтра троих пригласить на ужин к нам в дом? – добавил он все с такой же надеждой в голосе.

– Пожалуйста, Соня, не отказывайтесь, – проговорила Елизавета, взяв меня за руку.

– Завтра? Ну хорошо, завтра придем, если девчонки будут не против, – пожал плечами я.

– Вот здесь адрес, – радостно затараторила Елизавета, которой и правда было очень важно, скорее всего то, чтобы я присутствовала в ее жизни. – К шести вечера будем с папой ждать вас у себя.

Я взяла листок и положив его себе в сумочку поблагодарила Елизавету и ее отца, затем попрощалась и направилась к Лене и Свете, которые все это время с интересом наблюдали за нами. Когда блестящая машина проехала мимо, я помахала ей вслед, нахмурившись при этом, поскольку от такого пристального внимания чувствовала неуютно себя.

– А это не Елизавета Волоконовская? – спросила Света у меня спустя пару минут нашей молчаливой ходьбы.

– Да, она самая. А ты ее знаешь? – удивленно спросила я.

– Мой отец занимался гибелью ее мужа и дочери несколько лет назад. Я не сразу ее узнала, мне тогда лет пятнадцать было. Она как-то к нам приходила, разговаривала с отцом. Ее имя тогда у папы несколько месяцев с языка не сходило. Долго он дело расследовал, да так никого и не нашли. Машина сбила дочку и мужа ее у самого цирка, когда они дорогу переходили. Говорили тогда, что это предупреждение было для отца Елизаветы, если бы не оставил какое-то дело, то мол и дочери бы лишился. Доказать так ничего и не удалось. Потом дело замяли и все, отец более не говорил ничего об этом, – рассказала Света.

– Да, жаль ее. Мы с ней в поезде познакомились. Она говорит, что я очень на дочку ее похожа, – грустно проговорила я. – И еще они нас к себе завтра пригласили на ужин. Пойдем? – окинув взглядом девчонок спросила я.

– Пойдем, конечно. Отец всегда об их семье хорошо отзывался, – ответила Света.

– А ты, Лена, как? Пойдешь? – спросила я у все время молчавшей до этого девушки.

– Я куда Светка, туда и я, – рассмеялась девушка. – Меня можно даже не спрашивать.

– Ну и прекрасно! А теперь пойдете вон в то кафе, там мороженое очень вкусное, – проговорила Света, указав на небольшое красивое деревянное сооружение, украшенное цветами и красивыми длинными шторами бледно-зеленого цвета, укрывающего любителей мороженого, конфет и шоколада за своей тенью.

Глава 2

На следующий день я сидела дома в ожидании Светы и Лены и разговаривала с маминой подругой, которая так помогла мне, разрешив пожить у ее какое-то время, пока я не устроюсь в Москве. Лариса, так звали мамину подругу, была певицей в крупном ресторане, поэтому ее по вечерам практически дома не было, да и днем, в то время, когда она не отсыпалась, проводила она свое свободное время у каких-то друзей и подруг, таких же творческих личностей, как и она сама. Женщина она была красивая, я даже толком не могла сказать, сколько ей было лет, сорок, может чуть больше, но выглядела она безукоризненно. Милый, точеный профиль с слегка заостренным носом, четкая линия скул, великолепные голубые глаза, обрамленные длинными ресницами, каре светлых, словно пшеничное полотно, густых волос и кокетливая родинка на подбородке. Роста она была не большого, но ее грациозная, точеная фигурка с неизменной королевской осанкой давала фору любой высокой барышне. Томный, бархатный голос даже во мне вызывал необъяснимое чувство трепета, когда Лариса со мной разговаривала. Женщина как-то бывала у нас с бабушкой в гостях в компании моей мамы. Помню я смотрела на нее как завороченная, внимая каждому ее слову. Она казалась мне каким-то неземным творением, а поскольку я мастерски копировала жесты и мимику людей, то вскорости и в моем арсенале появились ее коронные движения – гордое вскидывание подбородка, легкий взмах руки, поправляющей прическу и хитрый взгляд прищуренных глаз. Бабку Лукерью эти мои заимствованные жесты приводили просто в бешенство, поскольку Лариса ей, мягко говоря, не понравилась. Она сразу же окрестила ее пройдохой и высказалась маме, что не хотела бы, чтобы Лариса больше приезжала к нам и забивала мне голову всякими непотребными столичными рассказами.

– Ну как там бабушка Лукерья? – улыбаясь спросила Лариса, выпуская облако сигаретного дыма.

– Да так же, как и всегда, – пожала плечами я.

– Наверное, в ужасе от того, что ты сюда приехала?

– Не то слово, – скривилась я. – Она до последнего надеялась, что я передумаю.

Лариса окинула меня задумчивым взглядом и сказала:

– Да оно может и лучше было бы, если бы ты действительно передумала.

– Да ну! Как можно! Я ведь всегда мечтала! Вот у вас даже, смотрите жизнь какая интересная. Наряды, музыка, столько людей вокруг.

– Наряды...музыка...люди, – задумчиво проговорила Лариса и подойдя к окну грустно сказала, – а ты думаешь в этом счастье? Ты не представляешь себе, как мне одиноко среди всей этой бесконечной вереницы блестящих людей, известных мужчин, как тошно становится от того лоска, который видишь во всех и вся. Мир другой там, за порогом родного дома. Он только на первый взгляд такой манящий, а погрузись в него и почувствуешь, как он затягивает тебя своей грязной жижей. Бесконечное соперничество, фальшивые улыбки и не менее фальшивые друзья, ждущие того, когда ты скатишься с пьедестала, чтобы занять твое место. Я ведь почему и ушла с большой сцены, не захотела возвращаться там. Жаль только, что поздно одумалась. Глупая была, молодая. Совсем как ты. Многое упустила в погоне за мишурой. А теперь вот, стою в своей большой квартире...одна. Ни мужа, ни детей. Так что я полностью согласна с бабушкой твоей. Не нужно этого всего тебе. Простое, тихое женское счастье намного большего стоит, – закончила она грустную речь, садясь передо мной за стол.

– А если душа просит? Как тогда? – спросила я, расстроенная ее таким описанием того, чего мне так хотелось.

– Не знаю, тебе решать, я свое видение этого озвучила. Будь я на твоём месте, я поехала бы обратно домой, вышла бы замуж за того красавца-хирурга, родила пару ребятшек и жила бы спокойной жизнью любимой жены и счастливой матери.

– Ну нет, не ради этого я вырвалась сюда! А дети и муж будут у меня. Позже только, – надув губы проговорила я.

– Как знать, – меланхолично проговорила женщина.

Я посмотрела на эту некогда такую жизнерадостную красавицу и нахмурила брови.

– У вас что-то случилось? – спросила я.

– Да нет. Это я так. Смотрю вот на тебя и судьбы тебе такой не хочется. Ну а может и будет все иначе у тебя. Ты ведь говоришь, что хирург-то твой, возможно, приедет сюда к тебе. Поженитесь и будете жить себе. Он в больнице работать, ты в каком-то небольшом, спокойном театре. Если, конечно, не начнешь протаптывать себе дорогу на актерский олимп в надежде стать великой... и одинокой. Хотя, глядя на тебя, ой как я сомневаюсь, что тебя работа рядовой актрисой устроит. То ли еще будет, да, Софья? – усмехнулась она.

– Не знаю я еще ничего! Ничего не люблю загадывать. Бабушка говорит, что сглазить так можно, – улыбнулась я в ответ, отламывая кусочек пряного черного шоколада.

– Ты главное голову не теряй, если уж в гору пойдешь. А то раз ты как протеже идешь там в институте, то не за горами и роли хорошие будут, несмотря на то, что только поступила.

– Да куда мне! Еще рано о ролях думать! Учиться еще надо.

– Учись, студентка, – потрепав меня по плечу Лариса встала из-за стола. – А я пойду прилягу, вздремну часок, скоро тоже собираться буду. Ты как вечером придешь, если кот серого у порога увидишь, запусти его в квартиру. Это мой, Тимоха, загулял, три дня как не появляется.

– Да, конечно, – ответила я и пошла тоже собираться.

Надев новое платье из тех, которые мне подарила Елизавета я тоскливо села на кровать и уставилась в зеркало. Слова Ларисы возымели на меня свое действие, поскольку хоть поступление в театральный и было моей мечтой, но слушая рассуждения женщины, которая в свое время вкусила все прелести славы, мне почему-то показалось, что она права. Что-то внутри такое нехорошее подтачивало мою былую уверенность в том, что я действительно сделала все правильно. Нахмурившись я резко встала с кровати и тряхнув своими длинными волосами подумала о том, что коль уж сказала один, то нужно говорить и два, а там будь что будет. В прихожей раздался звонкий треск звонка и я, отбросив грустные мысли, радостно побежала открывать. На пороге стояли мои подружки, одна другой краше. Они были такие разные, но так гармонично смотрелись друг с другом, что я невольно залюбовалась ними.

– Ну что, пойдём? – протрещала Света.

– Пойдем, – ответила я и схватив красную сумочку в тон платью захлопнула дверь квартиры.

– Ты чего такая грустная сегодня? – спросила Лена, видя, как я нервно тереблю ремешок сумки.

– Да так, задумалась просто кое о чем, – отмахнулась я, усаживаясь на свободное место в трамвае.

– Сонь, а ты ведь говорила, что медсестрой работала? – спросила Света.

– Да, в хирургии, – ответила я, разглядывая мелькающие за окном плавно бегущего трамвая яркие картины столицы.

– Тут такое дело. Нам на завод медсестра нужна. На пол ставки. Во второй половине дня, всего на четыре часа в сутки, не больше. Если хочешь, могу тебя порекомендовать. И в общежитие поселят, и деньги будешь зарабатывать. На стипендию ведь сильно не разгуляешься. А так хоть что-то. К нам в комнату с Леной можно будет подселиться, соседка наша уехала к себе в родной город, место пустует, – проговорила Света.

– А если я не смогу справляться, не буду успевать? И учеба, и работа, – спросила я.

– Да там такая работа, – усмехнулась подруга. – Сиди себе в кабинете да чай гоняй, книги читай. Ну а вдруг кто или палец порежет, ну или температуру кому измерить надо, сделаешь и опять свободна. Так что сможешь прям на работе и домашнее задание выполнять. Ну так как?

– Ну если так, то я согласна, – радостно ответила я, поскольку и сама задумываться начала о подработке, ведь жизнь в столице была не из дешевых, не то, что у нас в деревне.

– Тогда завтра приедешь на завод к восьми часам, я тебя отведу к нашему начальнику. Ну и я думаю завтра же можешь и перебраться к нам с Леной, – протрещала Света.

– Девчонки, а вы ведь москвички. А почему тогда в общежитии живете? – недоумевающая спросила я.

– Я с родителями не хочу жить, мне лучше так, в общежитии, – ответила Света.

– А у меня комната на самой окраине. Неудобно добираться до завода, я ее студентам сельхоза сдаю, а сама вот со Светкой вечера коротаю за килограммами печенек, – передразнила Лена свою подругу.

– Все, забудь про такие вечера, – прищурила глаза Света в ответ на эту реплику. – Теперь будем коротать вечера за стаканом кефира и не более.

– Ну кто за кефиром, а кто и за печеньками, потому что кому-то они совсем не во вред, – засмеялась Лена.

– А у меня бабушка всегда на вечер пирожки печет с повидлом яблочным. Они пахнут на весь дом. Папа очень их любил. Когда он погиб, бабушка так и не перестала печь эти пирожки. Они так и остались как дань его памяти. Неизменные душистые пирожки с яблочным повидлом, – почти шепотом закончила я фразу и почувствовала, как слезы предательски набежали мне на глаза.

– Сонь, не плач, – приобняв меня за плечи проговорила Лена и поцеловала в щеку. – Я тоже родителей вспоминаю каждый день. Хоть и время столько прошло, а я все никак не могу спокойно о них думать. Даже вот, – она достала из сумочки небольшую открытку и раскрыв ее передо мной проговорила, – фотографию каждый день рассматриваю. Так больно от осознания того, что они могли бы еще так долго со мной быть, если бы не та авария.

Я взяла в руки открытку, внутри которой была бережно вклеена черно-белая фотография еще молодых родителей девушки.

– А ты на маму очень похожа, прям вылитая она, – проговорила я, отдавая Лене ее сокровище.

– Я знаю, все так говорят, – улыбнулась гордо девушка.

– А я на папу похожа больше, – сказала я. – Даже иногда вижу, как бабушка мельком на меня долго смотрит, а потом идет и слезы быстро вытирает, чтобы я не видела. Жаль ее так, – задумчиво проговорила я, чувствуя, как беспокойство о бабушке начинает подтачивать меня изнутри.

– Так, давай не будет о грустном хотя бы сегодня, – потрянув головой строго сказала Лена. – А то выбрались отдохнуть и развеяться, а получается, что в расстройство себя вгоняем. Вон, наша остановка, пойдёмте, – девушка схватила нас со Светой под руки и уже менее чем через четверть часа мы стояли подле красивой дубовой двери в квартиру Елизаветы.

– Да, в хорошем доме она живет, – окинув взглядом коридор проговорила Лена. – Тут, скорее всего, только начальство и живет.

– Да тише ты, – одернула ее Света, услышав звук открываемого замка.

– Красавицы мои, – радостно проговорила Елизавета, показавшись за открытой дверью. – Проходите, пожалуйста! Я так боялась, что вы отвергнете наше с папой предложение и не приедете.

Пройдя в квартиру, мы оказались в огромной прихожей, которая была частью столь же огромной квартиры. Я едва сдержала свои эмоции от увиденного, поскольку, живя в деревне,

такой роскоши, как мне казалось, не видела никогда. Пестрые ковры насыщенного красного цвета, сверкающие люстры, дорогая мебель из красного дерева и еще бесчисленное количество диковинок были наполнением этой богатой квартиры, в которой проживали бедные люди. Бедные потому, что я понимала, будь им подвластно, то они всю эту мишуру отдали бы, не задумываясь за то, чтобы вернуть своих дорогих людей. Словно поняв, о чем я думаю, Елизавета пожала мое плечо и сказала:

– Не в этом счастье, Соня. Никогда не думай, что в этом счастье.

– Я так и не думаю, – пожала плечами я. – Просто очень красиво, правда.

– Это все мама моя. Она обустроивала эту квартиру. Здесь все творение ее замыслов, – ответила Елизавета, проводя нас в большую гостиную, в которой был накрыт стол. – Вы извините, папа немного задерживается. Он сейчас подъедет с минуты на минуту.

– Ничего, мы никуда не спешим, – ответила Лена, разглядывая фотографии на стене.

– Это все вы? – спросила у Елизаветы Света, подойдя к фотографиям.

– Да, это я, – ответила женщина. – Это на стрельбищах. Первое место. Это с моей командой на Волге. А это мы с отцом на военном полигоне.

Я тоже заинтересовалась фотографиями и окинув их взглядом спросила удивленно:

– Вы снайпер?

– Да. Капитан Елизавета Дмитриевна Волоконовская, – не без гордости проговорила женщина.

– Надо же, – проговорила я, проведя рукой по изображению, на котором молодая девушка была сфотографирована в обнимку с винтовкой в компании молодого мужчины. – А это? Ваш муж?

– Да, это Женя, – грустно улыбнулась Елизавета, снимая фотографию со стены. – Мы с ним учились вместе в институте. На соревнования вместе ездили. Везде вместе... были. А теперь вот, одна.

– Красивый он, – проговорила я, беря в руки фотографию.

– Он самый лучший, – прошептала Елизавета, бережно проведя рукой по фотографии. – Папа сколько женихов мне приводил, все хотел, чтобы я заново семью создала. Но я больше никогда ни с кем не буду. Таких, как Женя, больше нет. Это моя единственная любовь на всю жизнь, – проглотив комочек в горле женщина повесила фотографию на стену.

– Что-то у нас день такой сегодня, все вспоминаем родных, – задумчиво глядя в большое окно проговорила Лена.

– Я уже к этому спокойно стараюсь относиться. Такова жизнь наша, девочки. Где-то находим, где-то теряем. И дальше живем, – улыбнулась Елизавета.

В этот момент дверь в прихожей открылась и в квартиру вошел Дмитрий Тарасович в сопровождении троих молодых мужчин в офицерской форме.

– Ну папа, – прошептала мне Елизавета. – Он почему-то уверен, что всем должен устроить личную жизнь. Сколько и помню, всегда всех знакомил. Если бы ты знала, Соня, сколько людей благодаря ему жизнь свою устроили. Вот и сейчас, так и думала, что приведет кого-то, зная, что у нас в гостях будут молодые девушки. Ой, я не могу!

– Что ты не можешь? – смеясь спросил мужчина у своей дочери, заходя в гостиную.

– Папа, ну ты как всегда! – целуя в щеку его тихо проговорила Елизавета.

– А чего!?! Смотри каких красавцев привел, как на подбор, – ответил Дмитрий Тарасович. – Это старший лейтенант, Егор Алексеевич, летчик, – представил мужчину нам высокого блондина с насмешливым взглядом. – А это Олег Сергеевич, капитан Главного разведывательного управления, – представил он брюнета невысокого роста с теплым взглядом карих глаз, который время не терял и уже что-то шепотом говорил краснеющей Свете. – Ну а это моя гордость, капитан НКВД, мой лучший воспитанник, Ян Георгиевич – проговорил Дмитрий

Тарасович потрепав по плечу высокого статного молодого мужчину с темно-русыми волосами и голубыми, как небо, глазами.

– Ну, скажем так, не такой уже и лучший воспитанник, – бархатным баритоном ответил Ян, едва улыбнувшись. – Это вы так сейчас говорите, а вспомните, что было тогда, когда я только перешел под ваше командование.

– Это было тогда, ты еще зеленый был и потрепал мне нервы, – засмеялся Дмитрий Тарасович.

Елизавета представила нас мужчинам и уже через четверть часа мы все сидели за столом и громко смеялись, слушая шутки Дмитрия Тарасовича.

– Вы такая грустная, – услышала я тихий голос Яна у самого своего уха.

Этот приятный мужской тембр вернул меня к действительности, поскольку я по правде говоря витала где-то в облаках, вспоминая свою жизнь в деревне. Сидя в этой шумной компании и наблюдая за тем, как всегда бойкая Света теряет дар речи от каждого слова Олега, обращенного к ней, и за тем, как Лена сухо отвечает на вопросы Егора, который то и дело пытался завязать с ней разговор, я почему-то заскучала по своим девчонкам из хирургии, с которыми я каждую субботу бегала на танцы в городской клуб, и за Игорем, которого, как я теперь поняла, и правда оставила на запасном аэродроме.

– Я не грустная, просто скучаю по родным, – ответила я мужчине, который с интересом смотрел на меня.

– Дмитрий Тарасович сказал, что вы из Смоленска, – проговорил Ян, подливая мне в бокал шампанское.

– Дмитрий Тарасович, смотрю, хорошо вас осведомил, – ответила я, едва пригубив напиток.

В этот момент Елизавета включила музыку, и приятная мелодия наполнила квартиру.

– Давайте потанцуем, – проговорил Дмитрий Тарасович, приглашая на танец свою дочь. – И вы не сидите, молодежь, – наигранно строго сказал он.

Лена отрицательно кивнула головой, когда Егор хотел пригласить ее, на что я не удержалась и сказала:

– Товарищ лейтенант, она отгадет. Вы не форсируйте события только.

Лена гневно зыркнула на меня в ответ на такую реплику и нахмулив брови все-таки снисходительно протянула руку ждущему мужчине, который улыбнулся мне, давая понять, что принимает помощь в моем лице по растапливанию льда снежной королевы, которую строила из себя Ленка.

– Вы потанцуете со мной? – спросил Ян.

– Конечно, – ответила я и уже через мгновение парила в танце, направляемая уверенной рукой офицера.

– Вы прекрасно танцуете, – сделал комплимент мужчина, притянув меня ближе к себе за талию так, что я буквально уперлась своей грудью в его, и спустил руку ниже пояса.

Такой уверенный жест мужчины показался мне слишком уж нахальным, и я гневно вскинула бровь, давая ему понять, что столь наглое поведение по отношению ко мне не приемлю. Мужчина прищурил глаза и слегка отстранился.

– Так-то лучше, – елеино улыбаясь проговорила я.

– Извините, – ответил Ян. – Не сдержался, захотелось..., – не успел закончить он фразу, как я ее продолжила.

– Захотелось прощупать почву, товарищ офицер? Не обломится ли вам здесь раньше времени что-то... запретное, – прошептала я тихо, чтобы слышал только он.

Таких мужчин, как этот офицер, я чуяла за версту. Молодой, красивый, по возрасту должен был бы быть уже женат, а нет, до сих пор один. Бабка Лукерья сразу бы окрестила его бабником и ни на шаг ко мне не подпустила.

– Отчего вы, Соня, сразу так категорично? – смеясь спросил он.

– Не люблю ходить вокруг да около, – пожала плечами я.

– Вы мне просто понравились, – сказал мужчина, смотря мне в глаза.

– У меня жених есть, – строго ответила я.

– Жених – еще не муж. В этом его может обойти и кто-то другой, – все так же хищно улыбаясь сказал мужчина.

– Не думаю, что этим кем-то будете вы.

– Отчего? – спросил Ян, поцеловав мою руку.

– Оттого, что такие как вы не женятся, а если и женятся, то не позавидую я счастью женщины, которая будет ждать своего кобеля домой, который в это время шныряет по чужим дворам, – решив сразу расставить все точки над «и» ответила я словами бабушки, которая всегда резала правду в глаза.

Смотря на этого мужчину у меня почему-то не было и тени сомнения в том, что мое чутье насчет него верно на все сто. Было что-то такое в этом красивом мужчине, что отталкивало меня от него. Я не могла понять что, но внутренний голос говорил мне, что держаться нужно от него подальше.

– Лихо вы меня окрестили... кобелем, – засмеялся Ян.

– Извините, но я выросла в деревне, поэтому говорю то, что думаю. У нас не заведено улыбаться и в лицо говорить только слащавые речи, – ответила я и когда танец закончился быстро отошла от мужчины и вышла на балкон, где курила Елизавета.

– Как вам Ян? – спросила женщина, поправив локон моих волос, выбившийся из прически.

– Никак, – пожала плечами я. – Красивый, но что-то в нем, не знаю даже...

– Слишком самоуверенный и наглый. Вот что, – ответила Елизавета. – Отец его любит очень. Не знаю даже за что. Может потому, что Ян из детдома, он рано родителей потерял, и всего добился в жизни сам. Он попал в подчинение к отцу лет восемь назад. С тех пор папа и наблюдает за ним. Не скажу, что у Яна уж очень строптивый характер, но бабник он еще тот. Ни одной юбки не пропускает. Девчонки на него, как на мед слетаются. Я его, мягко говоря, за такое поведение недолюбливаю. У отца, правда, свой взгляд на этот счет, поскольку он сам в свое время тоже покуролесил, остепенился уже тогда, когда на маме женился. Он и на Яна всегда так говорит, что до женитьбы это все не имеет никакого значения и обращать на похождения мужчины до свадьбы внимания не стоит. Но я бы не хотела такого мужа, как Ян... своей дочери. Хотя, он очень перспективный молодой мужчина, – проговорила Елизавета.

– Ну, я не пчела, обойдусь и без меда, – смеясь ответила я, мельком посмотрев в окно на смеющихся за столом подружек. – А другие? Что о них скажете?

– Олег хороший парень. Добрый, воспитанный. Он мне Женю моего характером напоминает. Хороший муж из него выйдет. Ну а Егор, это еще тот змееныш, – усмехнулась Елизавета, смотря на то, как мужчина с насмешкой что-то говорит Лене, от чего она просто бледнеет в бешенстве. – На язык острее него из окружения отца нету, наверное, никого. Но мне кажется, что ваша подруга ему как раз под стать, – засмеялась она, когда Лена что-то высказала мужчине, отчего тот гневно нахмурил брови.

– Да, Лена еще та штучка на язык. Но она очень хорошая девушка. Да обе они хороший девчонки. Мне повезло, что я с ними познакомилась здесь. Они предложили мне жить с ними в комнате в общежитии, и на работу, возможно, устроюсь на завод, медсестрой.

Елизавета задумчиво посмотрела на меня и загасив окурочку о хрустальную пепельницу сказала:

– Пойдемте, я вам что-то покажу.

Покинув балкон, мы прошли в комнату, и Елизавета провела меня в дальнюю часть квартиры. Остановившись перед красивой деревянной дверью белого цвета, она сказала:

– Это комната моей дочери. Я каждое утро сюда захожу. Здесь все осталось так же, как в день ее гибели.

Открыв дверь женщина пропустила меня вперед и я оказалась в просторной красивой комнате с нежно-розовыми обоями, небольшой кроватью из красного дерева, резным туалетным столиком, на котором лежали различные предметы, красивым ковром по центру и милыми шторами с бабочками. Закрыв глаза, я принялась и мой нос уловил едва ощутимый аромат ванильных духов. В комнате было так уютно, что я невольно представила себе, как жила здесь ее бывшая обительница. Как она просыпалась, ставила свои миниатюрные стопы на ковер, подходила к туалетному столику и расчесывала волосы красивой белой расческой. Проведя рукой по гладкой поверхности стола, я грустно сказала:

– Здесь так красиво. Я уверена, что вы для своей дочери делали все, чтобы она была счастлива.

– Да, у нашей малышки было все. Мы с мужем в ней души не чаяли, – ответила Елизавета и достала из ящика стола стопку фотографий, протянув их мне.

С фотографии на меня смотрела красивая молоденькая девчушка с задорным взглядом. Девчушка улыбалась, смотря куда-то вдаль, легкий ветер развивал ее светлые волосы и в этот момент фотограф и запечатлел ее, увековечив ее память на этом милом снимке, который только и напоминал Елизавете о том родном образе, который остался далеко в прошлом.

– Она и правда похожа на меня, – заметила я, рассматривая фотографию. – Странно так, надо же как нас с вами судьба свела.

– Да, в жизни порой такое случается, что диву даешься, как все складывается, – ответила Елизавета. – Сонь, я вот к чему все это. Если хотите, то можете остаться жить у меня. Отец с женщиной живет одной, редко здесь появляется. Квартира большая и эту комнату давно уже стоит убрать из разряда музея. Ты можешь сказать, что я слишком навязываюсь тебе, ты уж извини за это. Просто мне очень непросто быть одной здесь. Подружки даже советуют, чтобы я квартирантку, студентку какую-то взяла, чтобы не прислушиваться к своим одиноким шагам в этой квартире. А если бы ты согласилась, мне было бы очень приятно. Обещаю не обременять тебя своим вниманием.

Я удивленно посмотрела на женщину и немного подумав сказала:

– Я подумаю, если вы не против. Конечно, жить в такой квартире, это не общежитие, – улыбнулась я. – Мне только нужно посмотреть, что получится у меня с работой, а там уже и с проживанием буду решать вопрос.

– Хорошо, – улыбнулась женщина в ответ. – А теперь пойдем к гостям, а то папа там уже, скорее всего, лишнего перебрал, раз достал гитару, – под доносящийся из гостиной звук струны мы с Елизаветой покинули эту святая святых ее погибшей дочери.

Дмитрий Тарасович сидел на кресле, закинув ногу на ногу и играл мелодию песни «Два сокола». Рядом стояла Света и подпевала ему своим и правда дивным голосом.

– Бесподобно, правда? – спросил подошедший ко мне Ян.

– Талант, – просто ответила я.

– Соня, я завтра приглашен на вечер одной своей знакомой. Она поет в оперном театре. Прекрасный человек и безграничный талант. Если у вас есть желание, я бы был очень рад, если вы составите мне компанию на этом вечере, – проговорил мужчина. – И развеетесь, и познакомитесь с людьми нужными. Вы ведь в театральный поступили. Так отчего бы не начать уже осваиваться в этой области.

Я удивленно посмотрела на Яна.

– Вы не производите впечатление человека, любящего искусство.

– Вы правы. Я скорее, как друг туда иду, а не как любитель оперного пения, – ответил Ян.

– Хорошо, я составлю вам компанию, – безразлично ответила я, поскольку идти куда-то с этим человеком я желанием не горела, но вот посмотреть на тот мир, в который я так стремилась, мне хотелось очень.

– Тогда я заеду за вами часам к семи вечера. Вы только адрес свой напишите, – проговорил он, протягивая мне блокнот и ручку, где я быстро черкнула пару строк моего местонахождения.

Одарив мужчину наигранной улыбкой, я подошла к Елизавете, которая слушала пение Светы, задумчиво глядя в окно.

– Нам пора уже домой, время позднее. Завтра рано вставать и идти в институт за документами, – сказала я.

– Да, конечно, я вызову вам такси, – ответила Елизавета и вышла в прихожую к телефону. Пока девчонки прощались со своими кавалерами ко мне подошел Дмитрий Тарасович.

– Соня, спасибо вам за то, что приняли наше приглашение, – сказал он, поцеловав мне руку.

– Это вам спасибо за то, что пригласили нас. Когда находишься так далеко от родного дома, хочется, чтобы и здесь были близкие люди. Я в городе всего пару дней, а очень подружилась с вашей дочерью, да и с вами очень приятно общаться. И отдельное спасибо, что беспокоились о моем поступлении.

– Да это мелочи все. Я люблю помогать людям, – улыбнулся мужчина. – Скажи, дочка, а как тебе Ян? – задал осторожно вопрос мужчина, кивнув в сторону офицера, который по очереди целовал руки Светы и Лены, прощаясь с ними.

– Дмитрий Тарасович, я скажу вам так. Я сюда приехала учиться, а не мужа искать. Поэтому, его я рассматриваю исключительно как знакомого и не более. В Смоленске остался человек, который нравится мне очень. Но, я правда не думаю пока о замужестве, – ответила я уклончиво, не желая обижать старания мужчины.

– Ну все равно присмотрись к нему. Он очень перспективный молодой человек, не за горами то время, когда он достигнет довольно-таки высокого звания. А при таком муже любая женщина как за каменной стеной будет, – потрепав меня по плечу сказал Дмитрий Тарасович. – Это Лиза его недолюбливает, не знаю уж чем он ей не угодил. А, как по мне, так он прекрасная партия любой девушке.

Я только улыбнулась в ответ на такую реплику, не желая дальше развивать эту тему. Когда Елизавета сказала, что такси уже прибыло за нами, Ян поцеловал мне руку и я в компании подруг покинула гостеприимный дом моих таких неожиданных... друзей, я бы так сказала.

– А поехали к нам сегодня, – обратилась ко мне Света. – Посидим, поболтаем. Ты все равно дома ночью одна. А завтра утром и в институт от нас ближе, все вместе пойдем, а потом и на завод.

– Поехали, – недолго думая ответила я и уже через пол часа такси доставило нас к общежитию, где жили девушки.

Зайдя в уютную небольшую комнату с тремя кроватями, письменными столами и двумя большими дубовыми шкафами я огляделась и поняла, что здесь довольно-таки неплохо, как для общежития. В комнате пахло любимыми духами девчонок, на кроватях сидели милые плюшевые игрушки, а это говорило о том, что девчонки, хоть и были взрослыми барышнями, но с капельками детства расставаться не желали. Пока Света освобождала место в шкафу и давала мне переодеться в мягкий зеленый халат, в комнату влетела Лена с парующим небольшим самоваром и пакетом пряников в зубах.

– Сегодня почти новоселье, будем праздновать, – протрещала девушка, ставя на стол симпатичные белые чашки с нарисованными зайцами и наливая в них ароматный чай.

– Ну, куда мне пряники? – вздохнула Света, кладя себе на блюдце лакомство.

– Ой, да ладно тебе, потом будешь худеть. А сегодня можно все. За нас, девочки, – веселым тоном проговорила Лена, и мы чокнулись своими наполненными горячим чаем чашками, засмеявшись при этом.

– А ты, смотрю, повеселела. А то сидела у Елизаветы надменная вся такая, – едва сдерживая улыбку проговорила я, окинув Лену взглядом.

– Да это она всегда так, я же тебе говорила. А потом оттаяла под конец вечера. Глазки начала строить своему ухажеру, после того, как пару раз на место его поставила за его острый язык, – засмеялась Света.

– Да не строила я ему глазки, – возмутилась Лена, заливаясь краской.

– Мы так и поняли, – прыснули от смеха мы с Светой.

– Ой, а сама-то, пунцовая, как рак, весь вечер сидела. Откуда это у тебя? Ты ж вечно смелая такая в компании парней, – наигранно прошипела Лена Свете в ответ.

– А это потому, девчонки, что я, кажется, влюбилась, – мечтательно обняв лицо ладонями проговорила Света. – Он такой замечательный человек. Столько всего знает. А глаза какие у него! Взгляд такой проникновенный!

– Ну все, понесло, – прошептала мне Лена на ухо. – Вот посмотришь, встречаться с ним начнет.

– И начну! – гордо вскинула голову Света. – Завтра в кино пойдем. Вот так вот, – добавила она, откусывая пряник.

– Так. Если завтра в кино, значит никаких пряников, – наигранно строго проговорила Лена, выхватив пряник из рук Светы. – А то завтра начнешь свою извечную песню: «Какой ужас! На мне ни одно платье не сходится в талии!», – передразнила она подругу.

– Завтра сойдется! – оборвала ее девушка, забрав пряник назад.

– Смешные вы такие, девчонки! – улыбнулась я, наблюдая эту картину, наполненную безграничной любовью подруг.

– Ну, а ты чего? Там этот Ян за тобой тоже увиваться начал. А ты, смотрю, от ворот поворот ему дала, – проговорила Лена изучающе глядя на меня.

– Не только от ворот поворот, еще и кобелем назвала, – ответила я.

– Да ты что! Почему? – воскликнули подружки хором.

– Да так, было за что. Это у меня от бабушки такое в характере. Чуть что, сразу все, что думаю в глаза! Вот и ему досталось. Он меня нахально так обнять решил, облапав при этом всю, ну я его кобелем и окрестила.

– Лихо ты. И не боишься же. Он не простой на вид. Этакая птица. Себе на уме. С такими лучше не связываться, – проговорила Лена.

– Ты тоже заметила? – спросила я.

– Заметила. Отчего же не заметить. Таких сразу видно. Это Егор и Олег, более-менее как на ладони. Приятные, видно, чем дышат. А тот... Не надо тебе с ним общаться, – проговорила Лена.

– Да я и не буду с ним поддерживать отношения. Завтра только пообещала с ним на вечер к какой-то певице оперной сходить. На том и закончу, – ответила я, откусывая имбирный пряник.

– Я бы не ходила на твоём месте. Эка ли невидаль, певица оперная. Сдалась она тебе. Мы вот скоро тоже станем звездами театра, – мечтательно проговорила Света.

– Так, звезда, – засмеялась Лена, убирая подальше от подруги пакет с пряниками. – Ты, звезда, скоро на Луну будешь похожа... в полнолуние, – захохотала девушка.

– И то правда, – скривилась Света посмотрев с сожалением на отодвинутые в сторону сладости.

– Знаете что, звезды вы мои, а давайте-ка спать уже! Завтра вставать рано, – сказала я, и быстро убрав на столе мы с подружками улеглись в свои кровати.

Утром, как только прозвенел будильник, никто из нас и не собирался вставать, поскольку заснули мы уже тогда, когда на небе начало светать, проболтав всю ночь напролет. Уже только когда Ленка встала с кровати и посмотрев на будильник испуганно закричала, мы со Светой вскочили и понеслись в душ, где быстро привели себя в порядок, затем наспех приготовили завтрак и втроем выскочили из общежития.

В институт мы прибежали уже самыми последними и недовольная Элеонора Игоревна, постукивая пальцами по столу, отчитала нас, поглядывая поверх своих очков с толстыми линзами:

– Я, девочки мои, не люблю опаздывающих студентов, запомните это раз и навсегда! А теперь заберите свои документы и встретимся с вами уже в сентябре.

– Извините. Спасибо, – протрещали мы, схватив свои заветные листки бумаги, в которых было написано, что мы являемся студентками театрального вуза.

– Софья, – обратилась женщина ко мне. – Как там Дмитрий Тарасович?

Я испуганно на нее посмотрела и пожав плечами ответила:

– Да вроде бы нормально.

– Нормально!?! Вот старый чертыка! Передавай ему, чтобы в гости ко мне наведлся, как время будет. Сто лет его уже не видела. Все дела, дела.

– Хорошо, передам, – ответила я улыбнувшись и спустя мгновение нас и след простыл.

– Ну и гримзу к нам приставили, – недовольно пробурчала Лена.

– А мне она нравится. Когда Городецкий сказал, что мне нужно похудеть, она за меня заступилась и сказала, что женщина с такими формами всегда на вес золота в театре, – сказала Света.

– Это она правильно подметила, – засмеялась Лена, хлопнув Светку по ее объемному заду. – Золото, поди, не легкое.

– Ну ты и дура, Ленка, – обиженно сказала девушка, гневно тряхнув копной своих шикарных волос.

– Да ладно вам. Худые, полненькие, какая разница? Главное, чтобы счастье было, – обняла я за плечи девчонок.

– Это точно, – ответили они в один голос.

Всю дорогу до завода мы наперебой говорили о своем детстве. Ленка восторженно рассказывала о том времени, когда были еще живы ее родители и каждое лето возили ее в деревню к бабушке. Как она, семилетняя девочка с длинными тоненькими косичками и в нарядном платье в горошек важно выхаживала перед деревенскими девчонками и строила из себя этакую барышню городскую, а бабушка ее за это ругала и говорила, что так вести себя заносчиво некрасиво, что все равны, и нет людей ни лучше, ни хуже тебя. Но Ленка не унималась и непреклонно строила из себя фифу, как называла ее бабушка. Света же рассказывала о том, как с детства любила петь и летними уютными вечерами во дворе устраивала этикие мини концерты, зрителями которых становились ее немногочисленные подружки и друзья. Я же рассказала о том, как любила ходить с отцом на охоту в сезон, когда можно было охотиться на крупного зверя. О том, как отец учил меня выслеживать животное по следам, определять стороны света по деревьям и стрелять из старого дедовского ружья, которое осталось в нашей семье еще со времен революции. Мне такие вылазки казались чем-то невероятным, а мама с бабушкой наперебой бранили отца за то, что приучал меня к такому неженскому делу. Но отец только смеялся в ответ на их возмущение и упорно продолжал учить меня тому, что, по его мнению, должен знать каждый человек, будь то мужчина или женщина.

Где-то через час неспешной ходьбы мы и не заметили, как оказались перед огромной проходной старого машиностроительного завода, откуда доносился гулкий, ритмичный звук пресса и гул работающих станков.

– Ого, – восторженно проговорила я, входя в ворота и окидывая взглядом это чудо творения трудового народа.

– Это еще не ого. Вот внутри ого будет, – усмехнулась Лена, показывая на проходной пропуск.

И действительно, зайдя в здание, я была просто поражена этой мощью, которая прямо-таки веяла из всех уголков пропитанного запахом машинного масла и бензина здания. Пройдя через огромный цех с стоящими в несколько рядов блестящими кузовами будущих машин, мы оказались перед дверью, где решал важные и не очень дела начальник.

– Павел Петрович, – пропела сладким голосом Света, заглядывая в кабинет. – Я вам медсестру привела, как и обещала.

– Светланка ты моя, как раз кстати, – прокричал пожилой мужчина небольшого роста со смешными кудрями на голове. – Веди сюда свою медсестру, пусть мне палец забинтует. Прибило давеча на складе.

Я зашла в кабинет и представившись взяла из стоящей на столе аптечки бинт и зеленку, мастерски быстро обработала рану начальника и аккуратно забинтовав палец проговорила:

– Два дня и будет как новенький.

– Ат ты, хорошая какая медсестричка! – разглядывая забинтованный палец проговори Павел Петрович. – Ну, считай собеседование прошла. Девчонки рассказали тебе уже об обязанностях, поди. Можешь приступать со следующей недели. Работа хорошая как для студентки. Времени хватит и книжки почитать, и поработать.

– Мне такую и надо, – улыбнулась я.

– Ну и славно, – ответил начальник. – Только смотри, спирт подальше прячь, а то тут Савелий есть один, любитель на работе тяпнуть стопарик. Он у бывшей медсестры весь спирт вытаскал, пока она не догадалась, почему он так часто режет пальцы и к ней бегаёт.

– Спирт буду беречь, как зеницу ока, – засмеялась я, разглядывая этого смешного, коротконогого добряка, который заправлял целым цехом.

– А теперь брысь отсюда, козы, мне работать надобно, – хлопнул он в ладоши, и мы с девчонками выбежали из кабинета.

– У нас коллектив очень хороший, – проговорила Света пока мы обходили здание завода. – А парни какие! Работящие, красивые! – подмигнула она проходящему мимо нас молодому мужчине в измазанной мазутом одежде от чего тот покраснел, как рак.

– Ох, артистка ты моя, – дернула ее за косу Лена. – Ты ж в кино собралась с офицером своим, а сама глазки строишь другим.

– С тем в кино, с другим в кафе. Я барышня незамужняя, мне все пока можно, – ответила Света. – Пока есть возможность, нужно выбирать, присматриваться, чтобы не надеть на себя недостойное ярмо.

Обойдя весь завод, посмотрев на производство машин и их комплектующих, познакомившись с самыми близкими людьми моих подружек мы наконец-то покинули стены этого шумного здания и оказавшись за воротами пошли пешком по направлению к остановке. Попрошавшись с девчонками в трамвае, поскольку моя остановка находилась дальше, я спустя какое-то время уже шагала по аллее по направлению домой.

– Красавица, позолоти ручку, я твою судьбу расскажу, – звонкий голос с акцентом вывел меня из состояния эйфории от созерцания столичных пейзажей.

Обернувшись, я увидела идущую за мной по пятам цыганку в длинной развевающейся пестрой юбке и с красивыми волосами цвета воронова крыла. Цыган я никогда не видела, поэтому оторопело уставилась на молодую, черноглазую красавицу с стопкой карт в руках. Я достала какую-то мелочь из сумки и сказала:

– У меня не много денег. Если этого хватит, то я бы хотела заглянуть в будущее, – улыбнулась приветливо я.

Цыганка явно была удивлена таким хорошим отношением, поскольку мало кто из столичных жителей реагировал, скорее всего, на ее приставания с целью погадать. Она только одобрительно вскинула бровь и протянув руку, куда я всыпала ей мелочь, указала кивком на стоящую в тени огромной акации лавочку. Когда мы сели женщина взяла мою ладонь в свои руки и несколько минут пристально рассматривала линии, словно паутина окутывающие ее.

– Ох, красавица. Непростая у тебя судьба. Яркая. Многие поколения будет передаваться твоя история в семье. В тяжелое время спасешь одну жизнь и это определит того, кто станет твоим спутником по судьбе. Больше ничего тебе не скажу, – отпустив мою ладонь сказала цыганка.

– Что это значит? – напряженно спросила я.

– Жизнь покажет, – ответила цыганка.

– Ясно, – ответила я недовольно, поскольку не любила никогда эти размытые слова, встала со скамьи и направилась прочь.

– Хлебнешь на своем пути, но счастливая будешь, хоть не сразу это и поймешь, – крикнула мне вслед еще фразу гадалка.

Я только рукой махнула, даже не обернувшись на эту реплику.

Зайдя в квартиру, я тихонько прошла на кухню, чтобы не разбудить Ларису, которая мирно посапывала в гостиной. Выложив на стол купленные в магазине сладости и приняв ванную, я пошла одеваться, поскольку менее чем через час за мной должен был заехать Ян. Вспомнив этого мужчину, меня почему-то прям передернуло. Чем была вызвана такая сильная антипатия к этому красивому офицеру у меня в голове прям не укладывалось. Наглым поведением у нас в деревне блистали каждый второй из парней, этим меня удивить нельзя было, ровно как и оттолкнуть. Прокрутив в голове нашу с ним встречу у Елизаветы, я списала все на то, что на меня, скорее всего, так действовала столица и бабушкины наставления насчет того, что в большом городе все не так, как в деревне и нужно быть предельно осторожной, дабы не хвататься ненужных проблем на свою голову. Надев красное платье с юбкой-солнцем и украсив его симпатичным пояском, я слегка подкрасила губы и ресницы, перехватила волосы затейливой лентой и уселась на кухне в ожидании. Спустя пол часа в дверь постучали и я, быстро схватив сумочку, выскочила в коридор, тихонько закрыв дверь на ключ, поскольку не хотела будить Ларису. На площадке стоял Ян в офицерской форме и уловив мой удивленный взгляд ответил:

– Извини, Соня, я не успел заехать домой и переодеться. Сегодня очень беспокойный день в штабе был, поэтому приехал как есть. Не переживай. Туда, куда мы едем, никого не волнует, кто в чем приходит на такие вечера. А ты прелестно выглядишь. Такая барышня и должна быть парой человеку в офицерской форме, – улыбнулся он, поцеловав мою руку.

– В форме, так в форме, – улыбнулась я. – Если бы я с вами так прошла по нашей деревне, то все девчонки обзавидовались бы.

– Ну, Москва мало чем отличается от деревни в этом плане, – рассмеялся Ян. – Разве что по площади она больше, но люди везде одинаковые. Хотя, я думаю, что в данном случае будут завидовать мне, – добавил мужчина, окинув меня взглядом.

Я пропустила реплику Яна мимо ушей, поскольку даже комплимент от этого человека не вызывал во мне чувство трепета, который обычно испытывает девушка, когда получает его от понравившегося ей мужчины. Спустившись вниз, мы сели в машину Яна и уже спустя минут сорок езды были около большого двухэтажного дома, стоявшего на окраине города.

– Я думала вечер будет в каком-то ресторане, – проговорила я, окинув взглядом милое белоснежное здание.

– Мария любит принимать у себя, – усмехнулся Ян, подавая мне руку. – Она личность весьма незаурядная. Это не сколько дом для нее, а обитель для таких же, как она сама, творческих личностей. Поэты, музыканты, актеры, здесь всегда полон дом людей. Двери этого особняка всегда открыты для тех, которые посвятили свою жизнь искусству.

– Откуда у нее такой дом красивый? – тихо спросила я, переступив порог и услышав в дальнем конце здания невероятной красоты пение.

– Это подарок одного поклонника, – ответил Ян. – Мария женщина незамужняя, поклонников у нее очень много, поэтому подарки – неотменные спутники ее персоны.

– Я бы так не хотела жить, – скривила я свой нос при мысли о том, со сколькими же людьми состояла в отношениях эта женщина, раз Ян так говорил о ней.

– Вы такая еще молодая и наивная, – засмеялся он. – В поклонниках нет ничего плохого, ровно, как и в любовниках, дарящих такие шикарные подарки, как этот дом.

– Я другого и не ожидала от вас услышать, – хмыкнула я.

– Хорошо, более не буду говорить ничего такого, что заденет ваши чистые взгляды на кажущуюся вам такую непорочную жизнь, – ответил Ян.

– Я уже жалею, что пришла сюда с вами, – пробурчала я себе под нос, окинув взглядом мужчину, который был еще хуже, чем я представляла.

Ян услышал мою реплику и взяв за руку остановил меня уже у самой двери в зал, откуда лилась музыка.

– Соня, правда, извините. Я действительно порой веду себя бестактно. Виной и правда мой образ жизни. Возле меня редко появляется девушка таких взглядов, как вы. Я привык вращаться в тех кругах, где женщины при слове любовник не краснеют. Вы же я вижу совсем другая. И мне это нравится.

– И там такие все, как вы? – нахмурилась я, махнув в сторону двери, за которой стихла музыка и слышались громкие голоса и смех.

– Практически, – повел бровью мужчина. – Они все хорошие люди, хоть и ведут свободный образ жизни. Я просто хочу показать вам тот мир, в который вы так отчаянно рветесь. Не за горами то время, когда и вас будут приглашать на такие же вечера, где много красивых, знаменитых женщин, талантливых мужчин, и богатых...покровителей, – смотря мне в глаза проговорил Ян, будто бы пытаясь понять, вызовет ли во мне эта реплика интерес.

– Есть мир искусства и красоты, а есть – грязи и подобия этой самой красоты. Так вот я за первое. А за этими дверями, мне кажется, как раз второе, – проговорила я, беря под руку мужчину. – Пойдемте, посмотрим, права ли я.

Ян открыл дверь и пропустил меня вперед. Переступив порог, первое, что мне бросилось в глаза, это блеск. Блестело все – платья, украшения, бокалы, люстра, даже шампанское, наливаемое в бокалы словно светилось в этой необычной обстановке. В огромной комнате, больше похожей на миниатюрный ресторан, в одном углу которого стоял шикарный черный рояль, было около сорока человек. На женщинах была такая одежда, что я в своем простом шелковом красном платье чувствовала себя школьницей, неизвестно каким ветром занесенной в это шикарное место. Женщины смеялись и пили шампанское, некоторые мужчины играли в карты за столом, некоторые же составляли компанию прекрасным дамам в их занимательных беседах. Двое мужчин в офицерской форме стояли в компании очень красивой женщины в потрясающем белом платье, которое подчеркивало идеальную фигуру красавицы. Женщина кокетливо улыбалась мужчинам, то и дело отпивая маленький глоток из высокого хрустального бокала, который она держала изящной рукой в белой кружевной перчатке. Длинные черные волосы красавицы ниспадали шикарной волной ниже ее пояса, а ярко-красные губы едва трогала очаровательная улыбка. В дальнем углу я заметила парочку, которая, не стесняясь никого, танцевала и придавалась страстным поцелуям.

– Бабушка меня убьет, если узнает, где я была, – прошептала я в ужасе смотря на разворачивающуюся перед всеми картину.

– Вашей бабушки здесь нет, – сказал мне на ухо Ян. – Расслабьтесь и получайте удовольствие, Соня.

В этот момент нас заметила красавица в белом и протянув руку направилась к нам.

– Я думала ты не придешь, Ян! Ты сто лет сюда не заходил! Я так рада тебя видеть, – красивым, мелодичным голосом проговорила женщина, обнимая моего спутника.

– Извини, но сама понимаешь, служба. Не всегда получается делать то, что так хочется, – поцеловав ей руку проговорил Ян.

– Ты не один, – прищурила глаза красавица, окинув меня взглядом. – Мария Колосовская, – представилась мне женщина, протягивая мне руку.

– Софья Лесная, – улыбнулась я, пожав тоненькую ладонь в перчатке.

– Какая... молоденькая, – сделав паузу, чтобы подобрать подходящее слово, сказала Мария, посмотрев на Яна. – Меняешь свои предпочтения? – натянута улыбку спросила она у него.

Смотря на женщину и на то, как она едва сдерживала эмоции, я сразу поняла, что между Яном и этой красавицей когда-то были отношения, и, если они остались в прошлом, было ясно, что она ревновала.

– Маша, не будем об этом, – ответил Ян, явно не желающий, чтобы такого рода тема была услышана моими ушами.

– Прости, – улыбнулась Мария. – Знаете, Соня, это единственный человек, которого я буду ревновать пройдет пускай и десять лет, поэтому не обращайте внимание на эти мои причуды, – проговорила женщина, пожав мое плечо.

Я кивнула, давая понять, что мне, собственно, не так уже и важны эти ее причуды.

– Соня поступила в театральный. Мне захотелось познакомить ее с людьми, которые имеют самое непосредственное отношение к этой стороне жизни, – сказал Ян, желая сменить тему.

– Ты в плане познакомить просто с окружением, или в плане того, чтобы я ее познакомил с кем нужно? – повела бровью красавица, окинув меня взглядом.

– Просто с окружением, – обняв меня за талию сказал Ян, давая понять, что знакомить меня не нужно ни с кем.

– Ясно, – хмыкнула красавица. – А то я могу, ты знаешь меня. Вон там сидит как раз наш клондайк театральных ролей, – проговорила она, кивком головы указывая на седоволосого мужчину с сигарой в зубах, который громко смеялся, сидя за карточным столом. – Одно только ваше слово, Соня, и я шепну ему пару фраз и думаю, что такая... чистая красота привлечет его внимание. А не за горами будет и место примы в театре, – добавила она, едва сдерживая улыбку, смотря на мою реакцию, поскольку я была просто в ужасе от ее слов.

– Нет, спасибо, я уж как-то своими силами, – натянута улыбку я, вспомнив, как Галка называла всех актрис наездницами.

– Ну, как пожелаете, – улыбнулась Мария. – Так мило, вы так напоминаете мне меня саму, когда я только приехала в Москву. Я была такой же испуганной ланью с широко раскрытыми глазами, с помыслами и верой в то, что в этом мире все так чисто и непорочно. Держу пари, что вы росли в деревне. Как собственно и я.

– Да, я росла в деревне под Смоленском, – просто ответила я.

– Ян, ну зачем ты девочку вот так сразу, с корабля и на бал? – еле слышно спросила женщина. – Ну куда ей с деревенских посиделок в нашу-то пропитанную... грехом атмосферу? – закончила с насмешкой она.

– Права была подруга мамы, – окинув взглядом эту ядовитую красавицу проговорила я. – Ничего, я уж как-то переживу ваше общество, такое блестящее и такое греховное.

– А остра на язычок, – засмеялась Мария. – Я всегда так всех принимаю, не обижайтесь. Прощупываю, так сказать, чем дышит человек. Кто может выдержать мои колкости, тем всегда открыты двери моего дома.

– Не думаю, что еще когда-либо переступлю порог этого дома, – улыбнулась я.

– О, никогда не говорите никогда, – прошептала Мария. – А теперь пойдёмте, я вас представлю остальным гостям.

Обойдя всех в этом пропитанном слащавым, напыщенным радушием зале, Мария представила меня всем тем, кто здесь находился. Среди присутствующих было несколько довольно-таки знаменитых актрис, пара певиц, творчество которых было на слуху даже в нашей деревне, среди мужчин были два художника, режиссер, несколько актеров, остальных же Мария представила, как просто ценителей ее творчества и чем они занимались не уточняла. Какое-то время я просто наблюдала за всеми. Потом, выпив бокал шампанского, немного осмелела и уже смеялась со всеми женщинами над колкими шутками, которыми нас развлекал режиссер. Через час непринужденных бесед Мария подошла к фортепиано и подав знак пианисту начала петь. Все сразу же затихли, внимая каждому слову, которое произносила эта сирена.

– Красивая стерва, – прошептала мне стоящая рядом молодая женщина по имени Татьяна, которая была актрисой театра и кино. – Вы будьте с ней осторожны, Софья.

– Почему? – спросила я, удивленно окинув взглядом рыжеволосую красавицу.

– Вы пришли сюда как спутница Яна. А он для нее своего рода запретное сладкое. У них были пару лет назад отношения, она просто голову от него потеряла. А он, впрочем, как и всегда, не особо цеплялся за эти отношения и уже через какое-то время сменил компанию Марии на общество какой-то балерины. Она, помню, очень страдала тогда. Даже петь перестала. Но легкомысленная природа взяла свое и уже через пару месяцев на месте Яна оказался какой-то генерал. Но, мне кажется, она его так и не простила, да и не забыла. Поэтому, она может быть не очень расположена к вам, Софья.

– Но у меня ничего нет с Яном, – пожала плечами я.

– Это пока ничего нет, – хмыкнула Татьяна. – Если посмотреть на то, как он на вас смотрит, то это не долго продлится.

– Чтобы что-то было, нужно, чтобы это было обоюдно, – ответила я нахмурившись. – А в этом случае Марии не о чем переживать или сердиться на меня.

– Ну, вам виднее, – засмеялась Татьяна.

– Я вас оставлю на некоторое время, вы не против? – спросил подошедший ко мне Ян, поцеловав мою руку. – Мне нужно кое-что обсудить с моими друзьями, – кивнул он в сторону двух присутствующих здесь офицеров.

– Да, конечно, – безразлично ответила я.

Когда Ян отошел за дальний столик, Мария, закончив петь, подошла ко мне с двумя бокалами, наполненными напитком необычного, ярко-розового цвета.

– Рецепт этого коктейля не знаю даже я, – сказала она, протягивая мне бокал. – Человек, который помогает организовывать мне мои вечера держит его в строжайшей секретности. Я бы даже сказала, что большинство из находящихся здесь гостей, приходят сюда чтобы испить это волшебство вкуса, а не слушать мое чирикание у рояля, – засмеялась она.

Пригубив напиток, я отметила про себя, что необычный вкус этого напитка и правда бал великолепен.

– Очень вкусно, спасибо, – ответила я.

– Наслаждайтесь, – погладив мое плечо проговорила Мария. – И не обращайтесь на то, что могут рассказать обо мне мои злорадствующие подруги, – кивнула она в сторону Татьяны, которая в этот самый момент целовала в щеку режиссера. – Многие просто не могут пережить моей популярности и не преминут укусьить за спиной.

– Я привыкла делать выводы сама, – ответила я, допивая напиток из бокала. – А можно еще? – неуверенно спросила я.

– Конечно, – захохотала хозяйка вечера и шелкнув пальцами подозвала официанта. – Пейте сколько пожелаете, на то он и вечер, чтобы отдыхать и наслаждаться всем, включая напитки. Привыкайте, Соня, к такой жизни. Мне почему-то кажется, что вы не будете играть

на вторых ролях в каком-то захудалом театре. А красивая жизнь на сцене искусства требует от всех нас определенных правил поведения. Хочешь быть на высоте – будь там, где вращаются только лучшие. А теперь извините, но мне нужно уделить внимание другим моим гостям, – улыбнулась она и оставила меня одну.

Яна рядом не было, и я села за стол и рассматривая окружающих людей потихоньку допила второй бокал и взялась за третий.

– Вы осторожней с этим, – проговорил мне подсаживаясь рядом режиссер, указывая на бокал.

– Так вкусно, – улыбнулась я.

– Вкусно, но осторожно. Не думаю, что вы привыкли к таким напиткам, – усмехнулся он.

– Да, кроме шампанского я ничего никогда не пила.

– По вам это видно, – окинул меня взглядом мужчина. – Как вы тут оказались?

– Я с Яном Георгиевичем пришла, – кивнула я в сторону офицера.

– Вот чертяка, – проговорил режиссер, посмотрев в сторону Яны. – Вот смотришь на него, форму ведь носит, а под формой черт.

– Черт... вы прям нужное слово подобрали, – захохотала я, чувствуя, как с меня спадают путы напряженности под действием алкоголя, который явно присутствовал в напитке.

Мужчина написал что-то на листке и протянул мне, запрятав красивую ручку золотого цвета в карман.

– Здесь адрес театра, в котором я работаю в основном, и телефон мой личный. Мария, как я слышал, говорила, что вы поступили в театральный. Придите ко мне, я посмотрю на вас и может быть задействую вас в каком-то спектакле, – сказал он.

– О нет-нет! Я не из таких, – воскликнула я, пододвинув бумагу обратно ему.

– Из каких это не таких? – усмехнулся режиссер.

– Я не буду спать с вами из-за роли в какой-то постановке, – проговорила я, чувствуя, как мой и так не всегда сдержанный язык уж совсем развязался.

– Софья, я режиссер, и для меня в первую очередь ценен талант. Вы действительно думаете, что у меня такой дефицит в женском внимании, что я буду ставить спектакль с бездарью какой-то ради того, чтобы она скрасила мне пару вечеров? – поднял брови мужчина, которого моя реплика явно огорчила.

– Извините, но это Мария так сказала, – смутилась я.

– Ну Маша, – процедил сквозь зубы мужчина, посмотрев в сторону певицы. – Если она сама шла таким путем, это не значит, что все так начинали свою карьеру. И у вас типаж такой, чисто русский, прямолинейный, задорный. Если вы переживаете так, то могу сказать вам, что вы не в моем вкусе. А вот для одного моего спектакля такой актрисы как раз и не хватает. Роль маленькая, но тем не менее, вы с чего-то начнете, а это уже не мало, – сказал мужчина, обратно пододвинув мне листок с адресом.

– Но я ведь ничего еще не умею. Я только поступила, – удивленно пожала плечами я.

– Софья, учеба это все ерунда, если у вас есть талант перевоплощения. А у вас он явно есть. У действительно талантливых людей это в крови, и все то, что вы будете осваивать в институте, быстрее можно постичь на сцене театра. Не бойтесь и приходите ко мне в театр, через неделю будут пробы. Я буду очень рад, если вы придете.

– А можно я на пробы приду не одна, а с моими подругами, которые тоже поступили со мной? – хитро сверкнув глазами спросила я мужчину, решив, что раз уж мне улыбнулась удача, то почему бы ею не поделиться с Светой и Леной.

– Конечно, – улыбнулся мужчина. – Посмотрю и на них. Буду ждать вас, – поцеловал он мне руку. – И сюда лучше больше не приходите, если хотите сохранить репутацию и звучать как талантливая актриса, а не чье-то протеже. А талант – это то, что в цене всегда, независимо от молодости, красоты и прочей мишуры. Запомните это, – проговорил мужчина и встав из-

за стола направился к ожидающей его с надутыми губами молоденькой актриске, которая то и дело нервно затягивалась сигаретой.

– Нда, – проговорила я, залпом допив бокал.

Минут через десять я уже практически улетала, настолько мое состояние было необычным и непонятым. Я никогда не напивалась, это было мне чуждо, а в этот момент я прямо поняла, что уж очень мое состояние было похоже на то, которое так часто описывала Галка, любительница отцовского вина из холодного подвала ее отца.

– Потанцуете со мной? – спросил вернувшийся ко мне Ян.

– Конечно, – улыбнулась я.

Музыка, смех, окружающая обстановка навевали на меня какую-то непонятную мне эйфорию. Когда Ян закружил меня в вальсе я уже просто не понимала, где пол, где потолок в этом огромном блестящем помещении. Люди, мебель, Ян, все слилось в одно целое.

«Так, Соня, кажется ты уже теряешь связь с реальностью», – мысленно проговорила я сама себе.

– У вас так глаза горят, непередаваемое зрелище, – проговорил Ян, крепче прижимая к себе.

– А-а-а! – погрозила я ему пальцем. – Я может и пьяна, но то, что ваша ладонь спускается на мой зад чувствую и не одобряю, – прыснула я от смеха.

– Да неужели? – проговорил Ян, прижав меня к себе так, что мне просто дышать нечем стало.

– Да... неужели, – еле освободившись из его цепкой хватки я отошла к столу и допив напиток из своего бокала опустила на стул.

Ян подошел ко мне и приподняв за локоть поставил на ноги.

– Мне нехорошо, – прошептала я, положив подбородок ему на плечо.

– Нам лучше уйти отсюда, – сказал мужчина и поддерживая за талию повел из комнаты.

Очувтившись в длинном коридоре я едва уже стояла на ногах. В этот момент нас догнала Мария и обратившись к Яну протянула ему небольшой ключик:

– Та комната свободна сегодня, – улыбнулась ему она, и мужчина нахмурившись молча взял предмет из ее рук.

Когда Мария усмехаясь покинула нас, мужчина смотрел пару минут на меня, словно раздумывая над чем-то.

– Ян, отвезите меня домой, пожалуйста, – проговорила я тихо, прижавшись своим лбом к его груди.

– Нет, девочка, – ответил он и подхватив на руки поднялся по белокаменной лестнице на второй этаж.

Захлопнув за нами дверь в комнату, мужчина опустил меня на пол и почувствовав под ногами опору, я отстранилась, едва преодолевая головокружение и как сквозь сон осознавая, в какой ситуации оказалась.

– Ян, прошу вас, не надо, – прошептала я, едва вдыхая воздух между страстными поцелуями мужчины.

– Я не обижу тебя, Соня. Я отдаю себе отчет, какую ответственность беру сейчас на себя, – проговорил мужчина, расстегивая на мне платье.

Когда одежда упала к моим ногам мое сознание так же покинуло меня, как и это полотно красного цвета. До меня доносились только какие-то обрывки происходящего. Боль первой близости, поцелуи мужчины, мои слезы, градом струящиеся по щекам, стоны, все слилось воедино и было словно не про меня. Я будто бы ощущала все это откуда-то издалека, словно это не я лежала, обхватывая ногами мужчину и как мартовская кошка мурлыкала и извивалась под ним, опьяненная доселе неведомыми мне чувствами. Затем я провалилась в какую-то бездну и очнулась только утром от ужасной головной боли. Открыв глаза, я едва смогла сесть на

кровати, преодолевая головокружение. Оглядевшись, я сначала не поняла, где нахожусь и как сюда попала. Затем переведя взгляд на спящего рядом мужчину я в ужасе закрыла глаза, по крупицам собирая в памяти происшествия прошлой ночи. Тихо встав с кровати, я накинула на плечи висевший рядом на стуле халат и прошла в ванную комнату, где опустилась на пол подле двери и беззвучно заревела. У меня в голове не укладывалось, как я могла попасть в такую ситуацию. Я ведь всегда могла контролировать себя в любой компании, никогда не позволяла себе лишнего и всегда знала, как вовремя остановиться. Но то, что произошло вчера... это было просто кошмарным сном наяву. Вытерев слезы подолом халата, я встала и подойдя к умывальнику посмотрела на висевшее на стене огромное зеркало. На меня смотрела какая-то другая девушка. словно это была не я. На меня смотрела растрепанная бессовестная девка с красными глазами с лихорадочным блеском. Выпрямившись я поморщилась, поскольку тело все ломило так после ночи, проведенной с мужчиной, что я едва сдержала стон. Стянув халат с плеч, я посмотрела на следы страстных поцелуев Яна на них и снова заревела. Нервно содрав с себя одежду, я залезла в ванную и с остервенением начала смывать с себя запах этого мужчины, который так, ради забавы воспользовался моим состоянием. Открыв ледяную воду я с наслаждением внимала тому, как она приводила меня в чувство, заставляя снова смотреть на все трезво. Когда я поняла, что просто уже ооченела, пытаюсь смыть прошедшую ночь, я закрыла воду и закутавшись в большое полотенце вышла из ванной. Ян тоже уже был на ногах и заканчивал застегивать свой китель, смотря в окно. Услышав стук двери, он обернулся и посмотрел на меня. Его нежный взгляд встретился с моими глазами, наполненными дикой ненависти. Так мы стояли и молча смотрели друг на друга всего мгновение, но и его хватило для того, чтобы понять, чем закончилась для каждого из нас эта ночь. Я готова была убить этого красивого мужчину. Если до этой ночи я просто была равнодушна к нему, то теперь просто ненавидела всеми фибрами души. Он же, скорее всего, обрел после этой ночи нечто иное, это было видно в его глазах, которые с уверенной влюбленностью смотрели на меня.

Мужчина подошел ко мне, положив свои ладони на мою шею и сказал, смотря в глаза:

– Соня, я вчера не шутил. Я знал, что если ты будешь со мной ночью, то это не будет просто развлечением с моей стороны. Я серьезно настроен в отношении тебя.

– Вы серьезно настроены? – в бешенстве прошипела я, вырвавшись из его рук и ухватив обеими руками его за китель. – А меня вы спросили, как я настроена по отношению к вам?! Вы меня спросили, когда укладывали в таком состоянии в постель?! Вы меня спросили, хочу ли я, чтобы именно вы были моим первым мужчиной?! – заорала я на него, чувствуя, как по моим щекам рекой потекли слезы.

– Ты так откликнулась на каждую ласку этой ночью, что я и подумать не мог, что ты настолько остро восприняла то, что между нами произошло, – притянув к себе сказал Ян, поцеловал меня в лоб.

– Я откликнулась? Да я почти ничего не помню, Ян! Как вы могли так поступить! Вы ведь видели в каком я состоянии. Вы ведь были трезвы, как вы могли?! – заорала я, отшатнувшись от него.

– Я не знаю, что на меня нашло. Твои глаза, огромные, блестящие, твой запах. Ты была так близко, я просто не смог совладать с собой. Я понимаю, что для тебя это очень важно, поэтому я не хочу, чтобы ты думала, что я просто воспользовался тобой. Для меня станет честью, если ты выйдешь за меня, Соня. Я не шучу, – проговорил мужчина, приближаясь ко мне.

– Не подходите ко мне, – дрожащим голосом сказала я, вытянув вперед руку, словно пытаюсь защититься. – Вы сволочь, Ян. Сейчас вы отвезете меня домой и видеть вас в своей жизни я больше не желаю. Если я хоть раз где-то вас замечу на горизонте, я пойду к Дмитрию Тарасовичу и все ему расскажу, и вся ваша карьера полетит к чертям собачьим. Уж поверьте мне! – проговорила я речь, прекрасно понимая, что сделать-то я так не сделаю, а вот напугать этого гада мне очень уж хотелось.

Но Ян явно был не из тех, кого можно было испугать угрозами. Он быстро подошел ко мне и больно схватив за предплечье притянул к себе:

– А теперь послушай меня, девочка. Я понимаю, что в тебе сейчас говорят твои эмоции и ни к какому Дмитрию Тарасовичу ты не пойдешь. Поверить то он может и поверит тебе, но вот сделать мне он ничего не сделает, поскольку моя карьера не зависит от него. Я сам себе сделал имя и у меня не менее крепкие связи наверху, чем у него. Так что можешь и правда пойти, и рассказать, как напилась в гостях и всю ночь кричала от удовольствия подо мной, а так оно и было, хоть ты этого и не помнишь. Я сделаю вид, что не слышал твоих угроз, поскольку и правда виноват в том, что произошло между нами. Поэтому сейчас одевайся и начинай думать о том, на какой день мы назначим дату свадьбы. Поскольку я не хочу, чтобы ребенок, которого ты, возможно, понесешь после этой ночи, так как я не был осторожен, не будет расти без отца. Ты поняла меня? – прорычал мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.